

THE
SAVAGE
& THE
SWAN

ДИКАРЬ И ЛЕБЕДЬ

ЭЛЛА ФИЛДС

Элла Филдс
Дикарь и лебедь
Серия «Лучшие мировые
ретеллинги. Хиты Эллы Филдс»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70339192

Дикарь и лебедь: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-199676-5

Аннотация

Опал – принцесса солнечных фейри. Она делала всё возможное, чтобы помочь своему народу в борьбе со злейшими врагами, багровыми фейри. Но её родители выбрали для неё будущее, с которым она не хотела мириться: брак с человеком.

Убегая из замка, чтобы найти утешение в одиночестве, Опал не подозревала, что столкнётся с судьбой, которой все отчаянно надеялись избежать. Её нашёл король волков – скорее зверь, нежели человек; скорее тиран, чем справедливый правитель. Но когда Опал осознала, кто он, было уже слишком поздно.

Теперь она принадлежит багровому властителю, который должен быть уничтожен ради спасения солнечного народа. Даже если сердце Опал разобьётся в миг, как его сердце остановится...

Страстная история любви, вдохновлённая легендарным мультфильмом «Принцесса-лебедь», сказкой Братьев Гримм «Румпельштильцхен» и мифом об Аиде и Персефоне.

Ретеллинг от популярного на Западе автора для поклонников «Короля Неверленда».

Понравится поклонникам Никки Сент Кроу, Сары Дж. Маас и Дженнифер Арментроут.

Жаркие сцены и история на популярную тему «от ненависти до любви».

Внутри – раскладная цветная вклейка с красивейшим искусством с обложки.

Содержание

1	12
2	31
3	51
4	66
5	91
6	99
7	113
8	119
9	127
10	142
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Элла Филдс

Дикарь и лебедь

Ella Fields

The Savage and The Swan

Copyright © 2021. The Savage and The Swan by Ella Fields.

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency
and Andrew Nurnberg Literary Agency

© 2021. The Savage and The Swan by Ella Fields

© Д. Ключарева, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2024

* * *

ELLA FIELDS

THE
SAVAGE
AND
THE
SWAN

Copyright © 2021.

The Savage and The Swan by Ella Fields.
Published by arrangement with Bookcase Literary Agency
and Andrew Nurnberg Literary Agency

Перевод с английского языка Д. Ключаревой

Иллюстрации на переплете SinXenon

ЭЛЛА ФИЛДС

ДИКАРЬ
И
ЛЕБЕДЬ

Москва
2024

*Тем, чья любовь так неистова, что способна
возвращать веру и прожигать доспехи насквозь.*

1

Я была уже на пороге родительской комнаты – хотела пожелать им спокойной ночи, – но ладонь сама соскользнула с ручки двери, когда я услышала голоса.

– Человечий принц? – воскликнула мать. – Отдать нашу дочь ему – *им!* – это не только предательство по отношению к ней самой, но и надругательство над всем, чего мы добились, покуда терпели их присутствие в наших землях.

– Ты думаешь, я сам этого не понимаю? – загремел отец. Я замерла в ожидании и, услышав следующие его слова, поникла: – У нас нет выбора, Никайя, – отец заговорил тише. – Либо так, либо ждать, пока случится то, что предрекли звезды, и мы оба знаем, что *он* сделает с ней, со всеми нами, представься ему такая возможность.

Мать ничего на это не ответила, и я представила, как тревога омрачает ее безмятежный лик, как беспокойные мысли стирают румянец с ее щек.

– Я лишь знаю, что там ее примут, и, даже если принц не приглянется ей или она – ему, наша дочь будет в безопасности.

– В безопасности? – Мать невесело усмехнулась и процедила непривычно ледяным голосом: – Возможно, они боятся нас и готовы нам подыграть, но не заблуждайся, Алтон, они относятся к нам все с тем же презрением. Любезничать

с ней не станут.

К глазам подступили слезы, дрожащей рукой я снова потянулась к двери. Но тут отец сказал такое, что я оцепенела:

– Пускай лучше терпит неудобства, чем пытки. Или вообще умрет, как Джоун, не успев произвести наследника. Там Опал будет под защитой, и ей хватит времени успеть продолжить род Грейсвудов.

Услышав это, я развернулась и бросилась вниз по лестнице, пробежала сквозь пустую кухню, распахнула дверь, выскочила наружу и помчалась прочь по садам с тыльной стороны замка. Подол ночной сорочки развевался на усилившемся ветру, под ногами чавкали опавшие плоды, хрустели листья, но я не останавливалась.

Небо темнело, а ноги все несли меня вперед по густой высокой траве. Я словно бежала наперегонки с собственным отчаянно колотившимся сердцем.

Шуршащие травинки, лавандовые поля, звезды над головой, брызги грязи из-под босых ног – лишь они и были свидетелями моего побега.

Я мчалась к укрытию, которое даровала лесная чаща, к рассекавшей ее тропинке, знакомой мне с детства – с тех времен, когда до нападений и кровопролития было еще далеко. Я остановилась, лишь когда достигла низкого устья пещеры.

Я проползла внутрь, а когда туннель расширился и плавно свернул вниз, к обрыву над ущельем, выпрямилась в пол-

ный рост. Путь к утесам преграждало мертвое дерево – полое, шириной почти с замковую башню. Я зашагала сквозь пустой ствол вперед – мне не терпелось сойти с сырой земли и вновь ощутить свежий бриз на заплаканном лице, сияние звезд на мокрых щеках.

Поперек нутра дерева была воткнута кряжистая, покрытая мхом ветка. Забравшись на нее грязными ногами, я полезла вверх – к дуплу, что смотрело в небо. Ухватившись за его узловатые края, я подтянулась и села.

Несколько бесценных мгновений я просто вдыхала ночной воздух, ощущая под собой теплую шершавую кору. Ноги свисали над водами, что текли по ущелью. Извилистая река отделяла одну страну от другой, совершая бесчисленное количество поворотов на своем пути к морю.

Отражение луны морщилось и кривилось, звезды подмигивали в ряби кипучего течения. Дерево лежало здесь далеко не всегда, хотя лет ему было гораздо больше, чем мне. Давным-давно земли Нодойи – двух волшебных королевств, Синшелл и Вордана, – соединяли два гигантских моста. Были едины и населявшие их народы.

Да, говорили, что некогда мы были одним народом. Впрочем, что-то подсказывало мне, что это не совсем так – иначе не случилось бы такого раздора. Маленькой трещины оказалось достаточно, чтобы разверзлась бездна. И с течением времени бездна эта только росла и становилась глубже.

Глядя на ущелье, которое ненависть и война сделали толь-

ко шире, на гниющие обломки затопленных кораблей и древнего моста, я выругалась, утерла нос и велела слезам прекратиться. С юных лет я знала, что замуж меня выдадут против воли – и, вероятно, куда раньше, чем я буду готова, – но не отваживалась представить, что произойдет это именно так.

Что большинство претендентов на мою руку будут мертвы – а единственным уцелевшим окажется человек.

Не то чтобы мне претила идея брачного союза с человеком. Скорее наоборот. Принц Брон был хорош собой. Он держался с беспечностью, сквозь которую проступал его надменный нрав. Был строен и высок, а в темно-каштановых волосах проглядывали золотистые пряди, выгоревшие на солнце за те долгие часы, что он проводил на охоте и за упражнениями с мечом на открытом воздухе. Я видела его всего пару раз, и в обоих случаях на его лице сияла улыбка, от которой замирало сердце.

Много часов я провела в попытках запечатлеть на пергаменте, как та улыбка затрагивает его темные глаза, но ни разу не осталась довольна результатом. Он вообще редко смотрел в мою сторону. А когда смотрел, улыбка его угасала, и взгляд становился оценивающим.

Для него я была всего лишь фэйри – одним из живых существ, на которых нельзя охотиться.

Если верить истории, многие из нас совершали глупости от страха, поэтому я не позволяла себе тешиться самообманом. Верой в то, что он будет рад сочетаться со мной браком.

Да, я считала его привлекательным и харизматичным, но мать была права. В лучшем случае меня ждет нелюбезное обращение, в худшем – угроза жизни или увечья.

– А я-то думал, этот древесный труп только в моем распоряжении.

Я вздрогнула, поползла обратно по последнему соединявшему земли Нодойи переходу и, чуть не свалившись в ущелье, вцепилась ногтями в кору. Никогда, ни разу прежде никто не являлся в мое заветное убежище.

Мужчина в капюшоне убрал меч в ножны за спиной и пугающе быстро приблизился к каменистому обрыву.

Надо было бежать. Надо было приказать, чтобы шел прочь – туда, откуда явился. Хотя внутренний голос подсказывал мне, что ни то, ни другое не увенчалось бы успехом.

Он был не золотой крови и не человек. Его запах – смесь аромата кедрового дерева и дыма – окатил меня с головой, проник в поры, отчего дыбом встал каждый волосок.

– Тебе сюда нельзя.

– Кто это сказал? – спросил он, склонив голову вбок, отчего из-под капюшона выпала пара светлых прядей. Тембр у него был словно лимон и шоколад – насыщенный, с хрипотцой, роскошный и низкий.

– Я сказала, – заявила я – голос, к счастью, не дрогнул.

– А-а... – И тут он с ошеломляющей прытью перескочил на упавшее дерево. Дупло в стволе – мой единственный выход отсюда – оказалось между нами. – И кто же ты такая?

Я была слишком ошарашена, чтобы оскорбиться, – каждая частица меня напряженно ждала момента, когда придется дать деру.

– Ты прекрасно знаешь, кто я такая.

Сбросив капюшон, он медленно поднял на меня взгляд.

– Наш мир разделен пополам, принцесса, поэтому ошибочно считать, что каждый знает, кто ты. – Сердце заколотилось, я принялась лихорадочно перебирать в уме возможные пути отхода. Все это время незнакомец не сводил синих глаз с моего лица. – Я не собираюсь причинять тебе зла.

Я заморгала.

– Ты ведь из багровых. Я это чую... – Мой взгляд соскользнул на его тунику и плащ – черные, как полночное небо, с красным подбоем. – Равно как и вижу, так что, если ты не против...

– Отчего у тебя глаза на мокром месте? – вкрадчиво произнес чужак, разглядывая мои щеки. – О, солнышко, ты плакала. – Я подалась вперед, намереваясь проскочить в дупло, но его слова меня остановили: – На твоём месте я бы так не торопился.

Едва он произнес это, как ветер донес с реки под нами звук шагов, вой псов и ворчание перевертышей.

– Так ты из дозорных.

– Скоро они уйдут.

Недоумение исказило мои черты. Незнакомец наблюдал за мной – в его глазах поблескивал задор.

– Ты дозорный, – повторила я, глядя на рукоятки двух клинков, что висели у него за спиной. – Воин. Почему ты не сообщил им, что я здесь? – Глупо такое говорить, но если бы он собирался выдать меня кровавому властителю, королю волков, то уже давно бы это сделал.

– Скажем так, я любопытен, – произнес дозорный скорее скучающим тоном, чем заинтересованным. – Давненько я не видывал золотого народца – да еще и дочь солнца, королевскую особу.

Грубые голоса, прерываемые смешками, звучали все ближе – его лютые приятели перекрикивались друг с другом.

Этот тип был не просто мужчиной. Он был из багровых – кровавых – фейри, что означало лишь одно: нельзя верить ни единому его слову. Это из-за них наши народы жили в раздоре. Они были жестоки, кровожадны и бесчестны – тяга к насилию текла в их жилах, и именно поэтому два королевских рода Нодойи стали врагами задолго до моего появления на свет двадцать два года назад.

Одно королевство являло собой жизнь – созидание и мир. Другое – смерть, там процветали власть и разбой.

В последние годы мы, солнечные фейри, сражались с багровыми и проиграли множество битв их армиям, то и дело вторгавшимся в наши земли. Вот уже пару лун стояло некоторое затишье, но мне хватало здравомыслия, дабы не тешить себя надеждами, что они не нападут снова.

Никто толком не понимал, что движет багровыми фейри –

кроме желания сеять смерть и разрушения и жажды мести за гибель их прежних правителей. Кровавые хотели истребить вестников света – мою семью и мой народ.

Ущелье не позволяло им застать нас врасплох, но серьезным препятствием для них не являлось. Наши ряды редели, и враги знали, что нам не по силам нести дозор и защищать свои земли так, как раньше.

Именно они когда-то уничтожили и Первый, и Старый мосты, и сами же продолжали подвозить к ущелью приспособления для тех, кто не мог через него перепрыгнуть или перелететь.

Миновала напряженная минута – дыхание мое участилось. Затем еще одна. Дозорные прошли мимо.

– Ты разве не с ними?

Незнакомец пожал плечами:

– Меня искать не будут, если тебя это волнует.

Меня много что волновало – в первую очередь само его присутствие, осязаемое до такой степени, что воздух будто маслом растекался по моей покрывшейся мурашками коже.

Его пухлые губы изогнулись в полуулыбке, словно он слышал мои мысли.

– Ты не ответила на мой вопрос. – Заметив, что я нахмурилась, чужак пояснил: – Ты плакала. Почему?

Вопрос прозвучал резко, скорее как приказ, и эта дерзость возмутила бы меня, будь ситуация иной. Мы остались наедине, и я, разумеется, умела постоять за себя, однако он – во-

оруженный опытный убийца.

Моим же единственным оружием были мои способности. Как и многие другие таланты несущих свет – довольно бесполезные. Мы умели исцелять, чинить, выращивать, создавать – слабаки в сравнении с потомками тьмы. Им было подвластно многое, и я ведала лишь о малой части их умений. Об их могуществе слагали легенды.

Легенды эти вызывали у меня вопросы – почему нас до сих пор не истребили и что за умопомешательство случилось с моим дедом, когда тот решил восстать против покойных властителей багрового королевства и пойти войной на Ворман?

Дозорный смотрел на воду и не шевелился. Не знаю, зачем я ему ответила, но слова вылетели из моих уст, прежде чем я успела одуматься:

– Я узнала, что меня собираются выдать замуж.

Чужак, казалось, совсем оцепенел – если такое вообще было возможно: застыла вся его грозная массивная фигура, отталкивая от себя даже звездный свет, который так старался дотянуться до его золотистой шевелюры. Он кашлянул, не сводя глаз с течения реки вниз.

– Но ведь это участь принцесс, разве нет? – Тон его похолодел – стал ледяным. – Так что ныть из-за этого нет смысла.

Вот теперь я по-настоящему оскорбилась.

Грубо усмехнувшись, я подтянула ноги и собралась на выход. Ступни уже нырнули было в дупло, но тут багровый тип

сказал:

– Подожди.

Ждать я не стала. Я и так сглупила, задержавшись в его компании. Дозорный, пехотинец, боевая зверюга – кем бы он ни был, он – мой враг, и мне стоило бы радоваться, что я все еще дышу.

Чужак вдруг возник рядом со мной, и у меня вырвался вскрик. Я сделала шаг назад, сердце мое пустилось вскачь.

– Что?..

– Здесь есть еще один выход, – пояснил он. Не успела я оглядеться, как он схватил меня за руку своей мозолистой ладонью и повел сквозь полое дерево обратно в пещеру.

– Отпусти, – огрызнулась я, пытаюсь высвободиться.

Дозорный даже не извинился за свои дурные манеры. Только ухмыльнулся и, полускрытый во тьме, развернулся и зашагал задом наперед.

– Полагаю, это человеческий принц?

Я не сразу поняла, о чем идет речь, но, когда до меня дошло, похолодела.

– Это тебя никак не каса...

– Логично, – пробормотал чужак. – Ваша братия уже на грани отчаяния. – Он вдруг остановился, и я чуть не врезалась в него. – Скажи-ка, солнышко, а ты умеешь драться?

Я просто дар речи потеряла от самоуверенности этого типа.

– «Солнышко»?

Один из уголков его губ пополз вверх, отчего на щеке появилась ямочка, а требовательный взгляд потемнел.

– Ответь на вопрос.

– Это ты на мой ответь.

– Я вопроса не услышал.

Я почти закатила глаза.

– А между тем он там был, и ты это прекрасно понял.

Дозорный раздраженно засопел.

– Ты всегда такая упрямая? И глупая? – У меня глаза на лоб полезли, но, прежде чем я успела парировать, он воздел большую ладонь и небрежно махнул ею в мою сторону. – Ты что, не слышала, как я назвал тебя дочерью солнца?

Щеки вспыхнули, меня бросило в жар. Я порадовалась, что он этого не видит.

Его хрипящая усмешка сообщила об обратном, но меня это не задело – я отвлеклась на сам звук. Он словно растекся по моей коже, впитался в нее, просочился в жилы и согрел кровь. Я расправила плечи и задрала нос, отгоняя это ощущение.

– Уверена, ты в курсе, что наносишь оскорбления королевской особе.

– Оскорбления? – промурлыкал чужак и молниеносно выдернул меч из ножен за спиной. – Твое счастье, что я ограничиваюсь только ими, *принцесса*. – Мой титул он произнес с язвительностью в голосе, и его клинок блеснул в слабом свете ночи.

Мой страх сгустился, с величайшей осторожностью я отступила на шаг.

– Ты не посмеешь.

Поджав губы, багровый перевел взгляд с клинка, направленного в землю, на меня. Я на это не купилась: он может атаковать в любой момент – и глазом не успеешь моргнуть.

Убить меня было так же трудно, как и багрового фейри – для этого требовалось вонзить меч мне в голову. Если клинок сделан из железа – то в сердце. Либо вырезать его из моей груди и сжечь.

Ни тот, ни другой вариант меня не устраивал.

– Если бы ты не перебила меня самым невежливым образом, то узнала бы, что убивать тебя я не намерен... – Эти слова дозорный произнес вкрадчиво, они повисли в воздухе, и стало ясно, что он действительно не собирается напасть на меня прямо сейчас. – Оскорбления, солнышко, будут наименьшей из твоих забот, если ты действительно выйдешь замуж за человеческого принца.

Он был прав, а я промолчала, прикидывая, смогу ли пробраться мимо него и успеть к выходу из пещеры первой. Я была королевской крови, и, хотя силы мои были не сравнимы с теми, какими обладали выходцы из Воргана, по части быстроты я могла дать фору большинству – особенно какому-то безродному дозорному, который этой ночью вдруг преисполнился дерзости.

Глаза его вспыхнули, будто он прочел мои мысли. Вспых-

нули с вызовом. Этот тип жаждал сыграть в догонялки. Некоторые из кровавых фейри и вся их королевская рать были перевертышами, и я не удивилась такому порыву. Хотя и слышала достаточно жутких историй о том, что подобные ему творили с женщинами, которых им удавалось нагнать.

Осторожнее, проворковал мой внутренний голос. *Берегись его.*

Не сводя с меня глаз, багровый перебросил меч в другую руку.

– Где твое оружие?

– Имей в виду...

Он выгнул бровь.

Я рассердилась и нехотя признала:

– У меня... Я его не ношу.

Густые золотистые брови сошлись на переносице.

– Ты правда думаешь, что я поверю, будто ты выскочила из своего теплого гнезда и отправилась искушать тьму без всякой подстраховки?

Не в силах посмотреть на него, я сглотнула и переступила с ноги на ногу.

Чужак впился в меня взглядом. Я чувствовала, как от его ледяного взора у меня стынет кровь – он, несомненно, заметил мою грязную сорочку и босые ступни и все понял сам.

– Ты сбежала в спешке.

– Верно.

– Дурочка, – сплюнул он, словно я была ребенком, кото-

рого нельзя не отчитать.

Я понятия не имела, чей он ублюдок, но провела в его компании достаточно времени, чтобы учуять запах волка. Как только я решила бросить ему это в лицо, он метнул мне свой меч.

– Но ведь биться ты умеешь, солнышко, не правда ли?

Я поймала оружие – обтянутая кожей рукоять меча еще хранила тепло его ладони.

– Конечно умею.

Чужак обнажил второй меч – тот был короче. Его взгляд подостыл, углы рта снова поползли вверх.

– Не на свою жалкую жизнь, а на смерть?

– Ты отвратительно груб.

– Но умеешь ведь?

Я ощерилась.

– Моя жизнь отнюдь не... – Я осеклась и набрала полную грудь воздуха, не желая углубляться в эту тему. Назвать жалкой свою жизнь я не могла, но и признавать, что она была далеко не той, какой рисовалась мне в мечтах, не желала. Это было бы эгоистично – с учетом того, скольких людей, деревень и городов мы лишились. Пусть до нападений на нашу страну в моем разуме и не жил образ будущего, к которому мне хотелось бы стремиться, на что-то я все же надеялась. На нечто большее. – Да.

Чужак подбросил меч, затем, совершив пируэт, поймал его в прыжке и приземлился на широко расставленные ноги.

– Покажи-ка.

– Я не обязана тебе ничего... – Меч дозорного просвистел у меня перед лицом – он сделал выпад в мою сторону, но я уклонилась и, запутавшись в длинном подоле ночной сорочки, повалилась наземь. Поморщившись, я заморгала – надо мной были земля, камни и пронизанный древесными корнями свод пещеры. – Я прикажу казнить... Чтоб тебя! – воскликнула я и перекатилась в сторону, а длинные пряди моих золотых волос, отсеченные мечом чужака, так и остались лежать в пыли.

Тяжело дыша, я уставилась на противника – он взирал на меня с высоты своего роста, сложив руки на груди.

– Ясно. Ты все-таки ищешь смерти.

– Не ищу, – буркнула я, торопливо поднимаясь на ноги.

Дозорный шагнул вперед и очутился в неприятной близости ко мне – настолько близко, что я смогла разглядеть темные крапинки в его синих глазах и длинные золотые ресницы, которые их обрамляли.

– Попомни мои слова, принцесса. Тебя возьмут силой. А потом выбросят в канаву. – Каждое слово он цедил сквозь идеально ровные белые зубы – таких острых клыков, как у него, я не видала в жизни. Чужак навис надо мной, и я невольно отшатнулась. – Людям плевать на перемирие – наше племя они в лучшем случае терпят, и куда больше их порадует вид тебя, горячей в костре, чем выходящей замуж за их драгоценного принца-говнюка.

Он коснулся кончиков моих обрубленных волос и пригляделся – те отросли прямо у него на глазах. Я же не сводила взгляда с его лица. С грубой, словно вытесанной из камня линии щетинистого подбородка. С носа, длинного и прямого, – кончик его дернулся, ноздри раздулись, и чужак отступил на шаг.

Я заглотила полную грудь влажного терпкого воздуха – казалось, я на время забыла, как дышать.

Никогда прежде не доводилось мне видеть кровавых фейри так близко – я и рядом-то с ними раньше не бывала. Лишь из темниц доносились до меня крики и пронзительные вопли тех врагов, что подобрались к стенам замка или были пойманы за шпионажем.

Мы прекратили всякое общение с ними еще во времена первой войны, еще до того, как возобновились атаки на наши земли. Многие годы между нами бурлило серьезное напряжение – две страны разделяло нечто большее, чем полноводная река.

Поэтому я не знала, даже не догадывалась, что, оказавшись так близко к кровавому фейри, можно лишиться способности дышать и связно мыслить.

– Принц женится на тебе, – тихо произнес чужак. – В этом я не сомневаюсь – но с какой целью? Он никогда не станет твоей половинкой, ему не позволят провести с тобой всю жизнь, так что, – он отвернулся, – видно, подождем и узнаем, как оно будет.

Растерянная и потрясенная, я пропустила мимо ушей предостережение, затаившееся в последней фразе.

– Мне пора, – трепеща, сказала я и отбросила его меч. – Меня будут искать.

– Ты всегда поступаешь, как тебе велят? – Безобидная поддевка, но ею он не ограничился. – Всегда вихляешься в прибое этой гнусной жизни, надеясь на лучшее, вместо того чтобы взять судьбу в свои руки?

Где-то внутри меня полыхнула ярость – бурно, но недостаточно мощно, чтобы я придержала язык.

– Прекрати. Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

– О, еще как имею, – возразил чужак и потер подбородок. – И я бьюсь на пределе возможностей – всех, какими обладаю, и нет, бьюсь за все, что я есмь. – Взгляд его вдруг стал волчьим и, скользнув по мне, одновременно вспыхнул и потемнел. – Кто ты, солнышко, меч или орало? – Во рту у меня пересохло, а он рявкнул: – Стань оружием, перед которым не устоит никто. *Возьми меч.*

К глазам подступили слезы – но не от страха. Нет, источником их было нечто иное, тот уголок души, куда я предпочитала не заглядывать – да и необходимости такой благо не возникало. Осмелев, я присела и оторвала подол ночной сорочки – та стала мне по колено, – а затем поднялась – уже с мечом в руках.

Багровый дозорный не обратил внимания на мои щиколотки. Он не спускал глаз с моего лица, а я расставила ноги

пошире, сделала глубокий вдох и кивнула.

Я играючи увернулась от его первого удара, и когда чужак крутанулся, наши мечи сошлись с громким лязгом, а плечо мое загудело от мощи его удара.

Я отступила и атаковала одновременно с ним, пригнувшись, когда он сделал выпад. Дозорный рассмеялся и замахнулся с такой силой, что мне пришлось отскочить, наши мечи встретились в воздухе, и только благодаря скользящему маневру я не лишилась руки.

– Так-то получше, – отметил он и отступил.

Я утерла пот со лба, догадываясь, что он бьется не в полную силу – почему так, понять я не могла, и все же испытывала благодарность.

Мы кружили и делали выпады, отбивая удары друг друга. По плечу и бедру у меня побежали струйки крови. Порезы явно были неглубокие, но их оказалось достаточно, чтобы как следует раздуть пламя, которое пробудил во мне этот тип.

Я атаковала вновь и вновь, издавая звуки, каких сама от себя прежде не слышала.

Он отражал каждый мой удар, и я сознавала, что ни за что его не одолею, но мне было все равно. Победа была неважна, и я упрямо нападала, ошибалась и нападала снова.

– Луна уходит, – сказал чужак, когда мы разошлись в очередной раз. Я совершенно взмокла, тогда как на его лице не было ни капли пота. – Тебе тоже пора.

Я выдохлась – грудь моя ходила ходуном, и пока я пыталась отдышаться, багровый отважился окинуть меня взглядом. Его поджатые губы расслабились, и он, похоже, с трудом отогнал охватившие его мысли.

Он развернулся и зашагал к полому дереву.

– А меч? – окликнула я его.

– Оставь себе, – бросил дозорный через плечо. – Еще увидимся. – А затем превратился в тень, которую поглотила тьма.

На полпути домой, когда первые лучи солнца коснулись вершин гор вдали за замком, я вдруг поняла, что так и не спросила, как его зовут.

2

– Опал, – наутро окликнула меня мать, поднимаясь по лестнице, что вела в мою башню. – Во имя звезд, да что на тебя сегодня нашло? – спросила она, открывая дверь в мои покои. – Уже почти полдень.

Я закричала и зарылась поглубже в одеяла – в том, что заработанные мной вчера порезы и ушибы зажили, я не сомневалась, но все равно не хотела рисковать – мало ли, вдруг она заметит.

– Плохо спалось.

И это была не ложь. По пути домой я спрятала меч багрового воина под колесом от старой телеги в полях за пределами территории замка и, добравшись до своих покоев, долго лежала, замороженно разглядывая завитки узоров на потолке и гадая, не приснилась ли мне встреча с чужаком.

Пока не вспомнила, что за разговор невольно подслушала перед этим и что привело меня в мое тайное убежище, куда навещаю я довольно редко. В те дни многое вызывало у меня сомнения, но я точно знала, что тайным оно быть перестало, а еще – что все равно приду туда вновь.

Раздвинув тяжелые шторы, мать впустила в комнату приветливый ветерок. Она улыбнулась – свежий бриз всегда ее радовал, но когда ее взгляд упал на меня, улыбка погасла.

– Ты вся в грязи.

Проклятье. Возможно, дозорный был прав – я действительно глупа. Ибо не потрудилась взглянуть на себя в зеркале туалетного столика, прежде чем завалиться в постель.

– Забыла вчера умыться, – пробормотала я.

Королева Синшелла задержала на мне взгляд на несколько секунд – я испугалась, что она вот-вот все поймет, – но, укоризненно поцокав языком, пробормотала что-то себе под нос и, выглянув за дверь, крикнула Линке, чтобы та набрала для меня ванну. Когда мать снова повернулась ко мне, все морщины на ее лице – немногочисленные, несмотря на то что ей было уже около двух сотен лет, – сильно углубились.

– Пошевеливайся. Мы с отцом ждем тебя к обеду.

У меня засосало под ложечкой. И от страха, и от голода.

– У меня дела в садах на южной стороне.

– Нет у тебя никаких дел, – ласково возразила она. – Поторопись, еда остывает.

Услышав эту затертую фразу, я еле сдержалась, чтобы не закатить глаза, и скинула одеяло, только когда она вышла.

Пока я раздевалась, в покои вошла Линка – пикси с довольно простенькими способностями – и сразу принялась наполнять ванну в смежной комнате. И вдруг ахнула – я напряглась и обернулась к ней: она стояла, зажав рот своей бледно-розовой ладошкой.

– Опал, что, во имя звезд, с вами стряслось?

Повернувшись к туалетному столику, который был завален смешанными мною самой духами, гребнями, тиарами,

румянами и недочитанными книгами, я поняла, что она видит мое отражение в зеркале, и у меня внутри все сжалось.

– А-а, это... – Я быстро придумала отговорку, понадеявшись, что та ее устроит. – У меня тренировка была поздно вечером.

– Ваш отец обычно не так... – Линка искала подходящие слова, но не находила их – что было объяснимо.

– Не в настроении был, видимо, – пробормотала я и прошмыгнула мимо служанки в ванную комнату.

Из теплых глубин ванны поднимались ароматы карамели и ванили, и я залезла в воду. Мышцы ныли сильнее, чем я ожидала, но Линка, к счастью, добавила в ванну соленый имбирь, от которого ушибы заживали быстрее.

– Я думала, ваш отец провел весь вечер на совещании с генералами.

Ослепи меня звезды. Мне была знакома эта напевная интонация в ее голосе, этот блеск в ее лазурных глазах. Она учуяла мою ложь – пикси это было свойственно, о чем я слишком часто забывала, – и теперь не отстанет от меня, пока не узнает правду.

Ей я могла довериться. Я знала Линку с тех пор, как сама была семилетним детенышем, а она – юной девушкой, поступившей в услужение в замок Грейсвудов. Однако с болью в сердце я понимала, что доверие это оправдано ровно до тех пор, пока она не сочтет, что я в опасности.

– Наткнулась на воина в полях за замком, – пробормотала

я и, выдернув из ее протянутой руки мочалку, обмакнула ту в воду.

– То есть там, где лежит ваше дерево. Последний переход на ту сторону.

Я взглянула на нее – она смотрела на меня, изогнув бровь, я нашла этот переход много лет назад, еще в детстве, и тогда, не сумев сдержать восторга, поведала ей об этом, за что теперь на себя сердилась.

– Сейчас не время для загадок, Опал. У вас все руки и ноги в синяках, да и ссадины не до конца зажили.

Я не осознавала, как же сильно мне досталось от меча того багрового типа. Умывая лицо тряпицей, я нахмурилась. *Не от меча*, напомнила я себе, а от падений наземь, когда от него уклонялась.

– Ладно, – раздраженно буркнула я, оттирая плечи от грязи. – Я выразила тревогу, что в последнее время маловато упражняюсь, и он решил потрафить мне.

– Кто это был? Эльн? – Она имела в виду капитана гвардии, что был у отца в фаворе; Эльн часто тренировал меня в подростковые годы, когда отец был занят. Так уж вышло, что он был занят почти всегда.

Дело обстояло таким образом до тех пор, пока однажды я не закатила сцену и чуть не совершила нечто непростительное. Тогда Эльн счел, что я плохо себя чувствую, но отец все понял. Он по-прежнему был убежден, что навыков у меня и так достаточно, и я могу подождать, пока он найдет для ме-

ня время.

Багровый волк явно считал иначе.

Возможно, я знала меньше, чем хотелось бы, но кое в чем была уверена. Отец хотел тренировать меня сам, потому что был готов на все ради сохранения моей тайны. Если пойдут слухи о моих способностях, это не приведет ни к чему хорошему, только посеет страх, превратит меня в мишень и никак не поможет спасти умирающее королевство.

– Нет, – отрезала я, всем своим видом сообщая, что больше ничего не скажу.

Тяжко вздохнув, Линка милосердно перевела тему, но мне от этого легче не стало.

– Не знаю, слышали ли вы, но мне бы не хотелось, чтобы эта новость застала вас врасплох...

– Я знаю, – сказала я, снова утопив тряпицу в воде. – Про принца Брона.

Линка прекратила рыться на полках, где хранились масла, соли, гребни и прочие банные принадлежности, и поднесла мне полотенце.

– Вы же знаете, что вас хотят за него выдать.

– Я слышала, как это обсуждалось, да, – сказала я и закончила с мытьем. Комната сочилась тягостной тишиной, как тряпица, которую я отжала и повесила на край ванны, – водой. Я встала, Линка завернула меня в полотенце и заткнула его углы под мышки, затем встретилась со мной взглядом, но тут же потупилась.

– Кажется, теперь я понимаю, зачем вы тренировались, хотя совершенно в этом не нуждаетесь.

И правда – с тех пор как мы с отцом в последний раз бились на мечах, минуло несколько зим. У него были куда более неотложные дела: армия Вормана засылала в наше королевство малочисленные группы шпионов, которые убивали дворян и высокопоставленных чиновников, и постоянно устраивала засады в Королевской бухте. И пусть последняя располагалась в Эррине – человечьем королевстве, – мы были вынуждены вести торговые дела через эту бухту, поскольку с северо-востока Нодойю окружали сплошь узкие проливы и скалистые отмели.

Слабое место, о котором кровавый властитель знал.

– Это игра, – заключил отец во время военного совета несколько месяцев назад. – Он играет с нами. Мы – мышки, а он свирепый кот. Он выматывает нас, готовясь нанести смертельный удар.

В тот миг я подслушивала под дверь, и у меня комок подкатил к горлу, а лепестки роз, собранные мной в саду – я собиралась заточить их аромат в бутылку, – выпали из моей дрожащей ладони.

Бесполезная игрушка. Будучи единственной наследницей престола – брат погиб еще до моего рождения, сражаясь вместе с моими дедами в битве за ныне разрушенные мосты, – я не сидела взаперти, но принимать участие в этой, казалось, нескончаемой войне мне не позволялось.

И вчера ночью тот дозорный, враг, который мог меня убить – которому, пожалуй, следовало это сделать, – явно мне об этом напомнил.

Я могла бы быть мечом. Я могла бы принести пользу. Но меня хотели использовать как орало.

– Это для твоего же блага, – прорычал отец, который сидел во главе огромного деревянного стола и жевал оленину, а ладонь его сжалась в кулак. – И не только – ты продолжишь наш род. И поторопись с решением этого вопроса, пока ты под защитой людей. Можешь хоть отослать свое дитя в королевства за морем – мне все равно. Но попомни мои слова, Опал. – Отец понизил голос. – Он придет за нашими головами, и пора бы нам хоть как-то подготовиться к будущему, а не отмахиваться от него. Совершенно ясно, что победить его мы не способны. Не способен никто. И если он говорит, что пришел наш черед... – Отец лишь развел руками, не удосужившись закончить предложение – впрочем, все было понятно и без слов.

Багровый дозорный сказал то же самое.

Попомни мои слова.

Дитя. За море. С каждым равнодушным словом, вылетавшим из его уст, моя паника только росла – я чуть не сломала вилку, которую держала в руке.

– Я не могу спариваться с человеком.

– Тебе и не придется, – сказала сидевшая рядом со мной мать. – Если они согласятся на помолвку, в замок Эррин тебя

сопроводит Эльн – в качестве твоего личного гвардейца. Он и исполнит этот долг.

Долг.

У меня голова пошла кругом. Никого не волновало, что я не хочу и не готова к такому. Я сомневалась, что вообще когда-нибудь буду готова. И родители об этом знали. Прекрасно знали, что по меркам нашего народа я была слишком молода для деторождения.

Но такова была моя роль, *мой долг*, и иллюзиями на этот счет я себя не тешила. Мое существование, отстраненность отца, суровая тревога матери, моя неспособность зачать дитя за пределами этого замка – предназначение мое было ясно каждому. И прежде всего мне самой.

Меня любили, и я это знала, но я была одинока. Принцесса на замену всенародно обожаемому принцу. Та, что понесет имя нашего рода вперед, в туманное будущее. Не более того.

Орало.

Я не отважилась взглянуть на Эльна, который стоял в дверях, сцепив руки за спиной, и смотрел на меня тяжелым взглядом. Он был старше моей матери как минимум на десять лет, привлекателен, но несколько холоден – а еще у него уже имелась половинка. Требовать от него подобного...

– А что, если они не согласятся?

Мать бросила на отца взгляд – она явно уже задавала ему этот вопрос.

– Согласятся, – только и ответил отец и допил вино.

* * *

Ночная тьма неспешно разливалась по небу, словно само время противилось тому, чтобы я покинула надежные стены нашей крепости из лунного камня и, промчавшись через кухню, выбежала в поля на поиски спрятанного меча.

И тем не менее две ночи спустя именно так я и поступила, дождавшись, когда все обитатели замка крепко уснут.

Дозорный уже был там, и при виде его темного силуэта, что ждал на последнем звене, связывающем наши страны, я, сама не зная почему, ощутила облегчение и в то же время волнение.

Голос его прозвучал отрывисто и безэмоционально, словно его бесила сама необходимость что-то говорить.

– Я был здесь вчера, но ты так и не пришла.

Я пролезла сквозь дупло – ладонь чуть не сорвалась – и уселась по другую сторону отверстия, как в прошлый раз.

– Ты своему королю разве не нужен? – Вопрос прозвучал чуть грубее, чем я планировала, но багровый, вне всяких сомнений, и сам знал, что за монстр правит их королевством, – раз до сих пор не напал на меня и не захватил в плен, чтобы доставить к своему властителю.

Не то чтобы я была готова признать, что, вероятно, не все

багровые создания были бессердечными убийцами, желавшими нам смерти, но мысли об этом посещали меня довольно часто.

А если среди них есть те, кто не хочет убивать, то их, возможно, хватит, чтобы в этой войне наступил перелом.

Дозорный молчал. Усевшись на заросшее мхом дерево и свесив ноги в теплых сапожках в какой-то паре футов от его остроносых ботфуртов из черной кожи, я посмотрела на него – он широко улыбался, разглядывая маленький кинжал, который держал в руках.

– Да он наверняка резвится с одной из множества своих любовниц, и ему не до меня. – Пригвоздив кинжалом к древесине подол моей ночной рубашки, он спросил: – Полагаю, ты знаешь, как этим пользоваться?

– Знаю, – ответила я, хотя опыта сражений на кинжалах у меня было гораздо меньше, чем на мечах. Глядя на темную рукоять, узорчатую и украшенную потертыми рубинами, я покачала головой. – Почему ты вернулся?

– Хочешь честный ответ?

– Конечно, – сказала я – мне надоело пребывать в неведении до тех пор, пока не станет слишком поздно.

– Ты вызываешь у меня интерес, солнышко. Небольшой. – Дозорный встал и уже собрался было прыгнуть в дупло, но помедлил и снова присел, когда я бросила взгляд на глинистый обрыв у него за спиной. – Что такое?

– Как ты сюда попал?

– Секрет, – ответил воин, и, даже не глядя на него, по рокоту голоса я поняла, что он улыбается. – Расскажи мне свой секрет – и я расскажу тебе свой.

Щеки у меня вспыхнули, хотя я всего лишь посмотрела в его блестящие синие глаза.

– Можешь секретничать и дальше, только имя свое назови.

Он выгнул шею – совершенно по-волчьи – и проурчал:

– Мы с тобой еще не настолько близко знакомы. – А потом прыгнул в дупло и добавил – поскольку знал, что я его слышу: – Не переживай, когда наступит нужный момент, я сообщу тебе свое имя – и тогда ты сможешь нашептывать его звездам.

Щеки мои просто вспыхнули, и я порадовалась, что он меня не видит.

– Тварь бесстыжая, – процедила я и, выдернув кинжал из древесины, прыгнула следом за ним и зашагала в сторону пещеры.

Глаза его расширились, когда я скинула ночную рубашку и бросила ее на землю у входа в полое дерево. Оглядев свое облачение – кожаные брюки для тренировок и длинную стеганку, я с озорным видом закусила губу.

– Я тут подумала, что лучше бы надеть нечто более подходящее.

Багровый тип заморгал, откашлялся и, отвернувшись, что-то пробормотал себе под нос – я не разобрала, что имен-

но, поскольку в тот же миг он нагнулся и с шорохом достал из сапога еще один кинжал.

– Ты принесла мой меч.

– Конечно. – Я повертела кинжал, разглядывая изящные узоры на кожаной рукояти, которые вились вокруг рубинов. Кажется, это была виноградная лоза, которая почти стерлась за годы частого пребывания в его железной хватке...

Кинжал упал наземь.

Багровый вскинул брови.

– У тебя пальчики в масле, принцесса?

– С-сколько моих земляков ты убил с помощью... *этого?*

Слишком безобидные слова для описания кошмара.

– Больше, чем ты можешь представить. А теперь подними кинжал.

Я не подняла его, просто не могла этого сделать. Смотрела на кинжал и вспоминала крики, которые были слышны за много миль, свирепый рев, перестук копыт лошадей, что несли моего отца и его воинов на помощь павшим, – но было уже слишком поздно.

Поздно – деревня была уничтожена, языки пламени исторгали пепел в ночное небо...

– Опал, – рявкнул враг, тем самым выдернув меня из оцепенения. Он стоял прямо передо мной, вплотную ко мне, а я даже не заметила, как он приблизился. Меня поглотил кошмар – лишь один из множества, которые он и его народ наслали на наши земли. – Подними оружие.

Нужно было уходить. Осознание настигло меня слишком поздно. У меня не было ни единой причины задерживаться здесь, в месте, которое некогда принадлежало только мне, в компании непрощеного гостя. В компании врага, который не моргнув глазом убьет меня или захватит в плен, как только получит такой приказ.

Проклятье. Ну конечно. Именно этого он, видимо, и ждет... Возможности застать меня врасплох или даже похитить – чтобы его король использовал меня в качестве приманки для родителей.

– Опал, – произнес дозорный, когда я обошла его и направилась к низкому устью пещеры, которое привело меня к нему.

Этот чудак ошибся. Я была не просто дурочкой. Я была идиоткой, которая упорно игнорировала нечто очевидное – всех нас ждал неминуемый конец. План отца, сколь бы абсурдным и несправедливым он ни казался, был составлен с умом. Наш народ просто выкашивали – деревню за деревней, город за городом, наша земля пропитывалась кровью мертвецов, и вопрос стоял уже иначе: *не придет ли* за нами багровый король, а *когда* он за нами придет.

Готовая пуститься в бегство, я чуть не споткнулась о камень, когда он произнес:

– Клык.

Остановившись, я повернулась к нему – к силуэту в плаще на фоне ночи, до которого не дотягивался лунный свет.

– Мое имя. Меня зовут Клык.

Уступка.

Просьба остаться. Мне стоило бы проигнорировать ее, но даже ничегошеньки не зная об этом Клыке, я понимала, что столь заурядный на первый взгляд жест был для него исключительным событием.

– Клык, – повторила я, обкатывая его имя на языке, но не зная, что с ним делать. – Вы... – У меня подвело живот, рагу с цыпленком, которым мы поужинали, взбунтовалось и подступило к горлу. Я сделала шаг в его сторону. И хрипло, давась словами, задала вопрос: – Вы убиваете нас, Клык – почему?

– Потому что можем, – ответил он так, словно это было ясно как день, и протянул кинжал, который принес для меня. Дождавшись, когда я подойду ближе, когда окажусь в пределах той площадки, где мы установили наше странное перемирие, он схватил меня за руку и притянул к себе. Его запах окутал меня, дозорный вложил кинжал мне в ладонь – пальцы у него были холодными, а взгляд – просто ледяным. – И мы не прекратим, не сбавим натиск и не выйдем из сил. Так что зарежь меня – и дело с концом.

Он будто знал, что именно нужно сказать, дабы страх, пробиравший меня до костей, обратился в пламенную ярость.

Я сделала выпад – и чуть не распласталась на земле, поскольку он, смеясь, отскочил в сторону.

– Используй эту злость во благо себе, а не мне. – Клык сделал рывок вперед, и я ахнула, едва успев остановить его кинжал своим – он целился мне в грудь. Шумно выдохнув, багровый широко улыбнулся, а затем развернул меня. Он прижался грудью к моей спине, обхватил сильными руками – грозными и в то же время теплыми. – Направь ее внутрь, солнышко, – произнес он низким гортанным голосом, пока я тщетно пыталась высвободиться. – Эта пылкая ярость – мощное оружие, но только если ты направишь ее внутрь, воспользуешься ею и не дашь ей завладеть тобой.

Дыхание мое выровнялось, а вот сердце пропустило не один удар. Его запах – аромат кедра и дыма – затуманил мой разум.

Его ладонь, огромная и мозолистая, накрыла мою и поправила положение кинжала в моей руке.

– В ближнем бою, – прошептал Клык, будто хотел объяснить, почему прижался всем своим телом к моей спине, – на земле, когда тебя загнали в угол, когда тебя вот-вот достанут, медлить нельзя. – Я ощутила его дыхание ухом и щекой, тонкие волоски, выбившиеся из моей косы, зашевелились. – Нападай сразу же. – Крутанув меня, он направил мою руку с кинжалом к моим же ребрам – опасно близко к груди – и подтолкнул ее к подмышке. – Если противник в доспехах, ищи открытые места и целься в них.

Кивнув, я повторила движение, когда он убрал руку, и мы начали заново.

С каждым выпадом, с каждым замахом, с каждым прыжком принц Брон, планы отца, вой вдали и трели ночных птиц, тот факт, что мой враг учит меня биться с такими, как он, – все это отступало в темные уголки моего разума. Существовал только этот странный тип по имени Клык с его хриплыми усмешками, чудными ругательствами и небывалым проворством, благодаря которому он постоянно заставлял меня врасплох, а еще заполошный ритм моего сердцебиения и пот, что покрыл все мое тело.

Когда с той стороны ущелья раздался громкий вой волков или еще каких-то созданий, я совершила ошибку и едва увернулась от его клинка, полоснувшего по рукаву моей стеганки – клочок шерсти, которой та была уплотнена, полетел вниз.

Клык, с его хитрой ухмылкой, лихорадочно блестящими синими глазами и всклокоченными светлыми волосами, отвесил глубокий поклон и зашагал восвояси.

Он не попрощался. Ушел вместе с луной и ни разу не оглянулся.

* * *

Занялся рассвет; тьму затопило дымчатое золото.

За рекой на востоке полыхали пожары – горел один из последних уцелевших северных городов, граничивший с ле-

сом, за которым начинались скалы.

Немногочисленные выжившие со своими скудными пожитками и детьми прибывали верхом и пешком. Подседельные сумки и корзины покачивались на припорошенных пеплом лошадиных боках, животные тяжело пыхтели, выдувая облачка пара.

Обездоленные жители тянулись к замку косяками и собирались под его стенами; их черные от сажи, блестящие от пота и слез лица провожали меня потерянными взглядами.

Отправиться туда, где многим пригодилась бы моя помощь, мне не разрешали. *Там вполне достаточно помощников,* говорила мать, *тебе нет нужды подвергать себя риску.*

Оставалось лишь бессильно дожидаться, когда придут тяжелораненые. Тогда от меня будет хоть какой-то толк. Тогда я смогу почувствовать себя полезной. Тогда та скорбь, что пропитала мою плоть и кости, найдет иной выход – иной смысл.

Всех прибывших наконец переправили в городскую ратушу, где им предстояло тесниться рядом с другими семьями, для которых еще не нашлось нового жилья, – либо покинуть город и отправиться в бескрайние леса, поля и на фермы. Я бездумно смотрела в утреннее небо, пока восходящее солнце накрывало своей золотистой ладонью их догорающие дома.

Я долго бродила по лугам позади замка, собирала златоцвет и желтокорень, а солнце за это время превратилось в до-

горающий уголек за соснами вдали, что стояли на страже у края чащи.

Многие прибыли, но затем угасли, многих удалось исцелить, но они навсегда остались со шрамами.

Уложив собранные травы в корзинку, я села на ковер из диких цветов, которыми поросла здешняя земля, и посмотрела на лес – меня терзал один вопрос, но задать его кому-либо я не решалась. Не из боязни, что меня укорят, а из страха узнать ответ.

Я и так понимала: его не остановит ничто. Кровавый властитель и его связанные клятвой мести войска будут неустанно разрушать и грабить наши земли, пока в Синшелле не останется ни одной живой души.

Каково это – жить с такой сильной, непоколебимой, вековой ненавистью?.. Мне не хотелось знать.

Я была уверена, что никогда не испытаю к нему жалость. Уж точно не теперь, когда обоз, который вез покойников к месту их последнего пристанища под утесами, протянулся от городских ворот до самого горизонта.

Я обернулась и посмотрела на цепочку подвод, исчезающую вдали. Казалось, провожал их взглядом и сам замок, а переливающийся лунный камень, из которого он был сложен, потускнел от огорчения.

Бросив очередной взгляд в сторону леса, я заметила, что за мной наблюдает пара глаз.

Из плотных зарослей на неверных ногах выступил олене-

нок – его большие глаза моргали, разглядывали мир вокруг и, наконец, остановились на моем лице. Восторженно взмахнув хвостиком, он смело шагнул в густую траву, и ножки его тотчас подогнулись.

Со слезами на глазах я рассмеялась, всхлипнув, поднялась с земли и пошла к олененку, чтобы помочь ему встать.

Но не успела я приблизиться к неуклюжему малышу, как мимо меня просвистела стрела, и звереныш замертво упал в траву.

Обернувшись, я гневно воззрилась на Деандру.

– Он же совсем малыш.

Воительница прошагала мимо меня. Ее толстые темные косы – Деандра заплетала их, чтобы волосы не лезли в глаза, – бились о жесткие доспехи. Нагнувшись, она выдернула стрелу. Ее смуглые щеки и лоб все еще были в крови после битвы за рекой. Если такое вообще можно назвать битвой. Когда туда прибыли наши воины, там осталась всего пара отрядов кровавого властителя – своей цели навести ужас и поубивать всех они к тому часу уже достигли.

Деандра улыбнулась мне:

– Это же деликатес, принцесса.

На меня внезапно накатила такой ужас, что я отвернулась, когда она забросила олененка себе на прикрытое броней плечо.

Воительница рассмеялась:

– Надо бы нам как-нибудь взять вас с собой в настоящее

сражение, чтобы ваше нежное сердце обросло крепкой скорлупой.

Мне нечего было на это ответить. Только внутри завыло и заскреблось навязчивое чувство вины, когда мне напомнили, что делаю я недостаточно. Ничьих усилий не хватит, чтобы со всем этим покончить.

– Что ты здесь делаешь?

Деандра зашагала обратно по травяным зарослям, я подобрала корзинку и двинулась за ней следом.

– Мне велели найти вас. У нас гость.

3

Принц прибыл один.

Его родители, сказал принц Брон, не в восторге от идеи связать наши королевства при помощи брака, но у него самого письмо отца вызвало интерес.

И, похоже, немалый: он прибыл в сопровождении большого отряда воинов, которые доставили его до замка, а затем разбрелись по городу и близлежащим полям и лесам.

Взволнованная, но после кровопролитного дня согласная сделать все, что нужно, я пряталась в вестибюле большого зала, подслушивая, как родители и принц холодно приветствуют друг друга и обмениваются любезностями. Наконец мать позвала меня.

Я ожидала презрительной реакции, в лучшем случае – безразличия. Но не ожидала, что принц окажется куда привлекательнее в сравнении с тем, каким я запомнила его в нашу последнюю встречу три года назад. Его роскошные каштановые волосы лежали волнами вокруг лица и ниспадали к острому подбородку, из-под густых бровей поблескивали черные как смоль глаза.

Его пухлые губы приоткрылись, он быстро оглядел меня раз, затем другой – уже нарочито медленно, склонив голову вбок.

– Принцесса, вы выросли в прелестную особу.

Я достигла зрелости еще несколько лет назад, но решила не напоминать ему об этом. Тогда ему было совсем не до принцессы-фейри – он был слишком занят, обхаживая своих человеческих фавориток.

А сейчас, прогуливаясь с ним по саду, слушая его рассказы о напряженном путешествии сюда и о чудесных пекарях Тулана, что угостили его самыми великолепными пончиками, какие ему доводилось пробовать в жизни, я гадала, в курсе ли он, что это не первая наша встреча.

– Лучше не ешьте их больше, – тихо произнесла я, когда наконец обрела дар речи. – И вообще не ешьте того, чем угощают вас незнакомцы в Синшелле.

Когда мы зашли на четвертый круг по зелени и разноцветью, принц сбавил шаг – на нем были начищенные сапоги того же оттенка, что его темные глаза. Дворик замка остался позади, живая изгородь в этом месте была выше – виднелись только окна комнат в башнях.

– Я думал, что заклятья на еду и яды фейри – это что-то из разряда страшных сказок на ночь.

Я чуть не прыснула.

– Ничего страшного в этом нет, – сказала я и, остановившись у розового куста, дотронулась до маленького бутона. – Просто пончики в Эррине теперь будут для вас на вкус как зола.

– Ясно, – коротко отозвался Брон. – А что насчет прочей еды? – Он переступил с ноги на ногу, и я ощутила исходя-

щее от него тепло. – Уж что-нибудь я наверняка могу есть без опаски навсегда разочароваться во всем остальном.

Он произнес эти слова – особенно последние – таким тихим и вкрадчивым голосом, что я невольно перевела на него взгляд.

– Скорее всего вас здесь будут кормить блюдами, которых вы не сыщете в собственном королевстве.

– Да уж, – прохрипел Брон, отчего я удивленно вскинула брови. Его взгляд сполз с моего лица на ладонь – я обхватила бутон и приказала ему раскрыться. У принца слегка отвисла челюсть, но он все же захлопнул рот и нервно сглотнул. – Боже, вы и вправду принцесса-фея.

Я посмотрела на него искоса и повернулась, дабы пойти дальше, но он вдруг взял меня за руку. Прикосновение оказалось нежным и теплым, Брон притянул меня к себе. По человеческим меркам он был довольно рослым, но феяри, особенно родом из знати, были выше большинства людей, так что носы наши оказались на одном уровне. Принц поднял руку и вопросительно посмотрел на меня.

Мне стало любопытно, что будет дальше – я улыбнулась ему в знак согласия. И судорожно вздохнула, когда его пальцы убрали прядь волос мне за ухо. Осторожно, едва ли не с благоговением он прикоснулся к заостренному кончику, одного взгляда на который было достаточно, чтобы понять: мы принадлежим к разным видам.

– Мягкие, – прошептал он, словно говорил сам с собой,

и нахмурился: – Вы не носите серьги.

– Когда-то носила, но часто забывала их надевать, а отверстия в наших телах зарастают быстро, – сказала я с придыханием и нервно сглотнула, когда его палец спорхнул с мочки уха на шею – туда, где покоилась тонкая шелковая бретель нарядного платья абрикосового цвета. – Брон, – произнесла я с предостережением в голосе, правда, для кого из нас оно предназначалось, было неясно – в животе у меня словно взметнулся рой мотыльков.

Опомнившись, принц убрал руку и улыбнулся так, будто его застучали у вазы с конфетами, но стыда он не испытывает.

– Вы красивы.

– Вы тоже, – сказала я, в ответ на что он изумленно хохотнул. – Зачем вы явились сюда, принц?

Он выгнул бровь и отступил на шаг, золотые крапинки на радужках его глаз сверкнули на солнце.

– Ваш отец прислал нам письмо – вы же об этом знаете.

– Вы ведь не собираетесь на мне жениться. – Его взгляд обжигал, и я уставилась на его бархатную тунику бронзового цвета и плащ, не решаясь поднять на него взгляд. – Мы оба это знаем.

Он замолчал на несколько долгих секунд, затем отвернулся и оглядел сад. Мы были не одни, но я не стала ему об этом говорить. Брон сжал губы и снова внимательно посмотрел на меня. Отважился сделать шаг в мою сторону – и тут раз-

дался треск.

Довольно тихий – у меня слух был острее, и принц шума, похоже, не услышал, поэтому я воспользовалась моментом и перевела тему, дабы он не перешел к отговоркам.

– Ваш плащ! – в отчаянии воскликнула я и, присев, дотронулась до его подола. И, с раздражением покосившись на розы, прошипела: – Прошу прощения. Обычно они ведут себя куда приличнее.

– Цветы? – удивился он.

Я напела себе под нос мелодию, провела пальцами вдоль разрыва и приказала ткани сплестись обратно. Бархат заупрямился – дыра оказалась слишком большой. Не сработало. Со вздохом я встала и предложила:

– Оставьте мне ваш плащ, после обеда я его починю.

Брон снял накидку, свернул тяжелую материю в куль, но, прежде чем передать его мне, подался вперед и прижался губами к моей щеке.

– Вы *и* красивы, *и* добры.

С пылающим лицом – одна щека горячее другой – я проводила его взглядом. Листья вспархивали от быстрых шагов принца. Он ушел, чтобы не отвечать на мой вопрос, а я не остановила его, отвлекшись на прикосновение пухлых мягких губ.

За ужином принесли весть, что в Весеннем лесу на людей принца было совершено нападение.

До той минуты обстановка была тихой и напряженной. Отец намеренно игнорировал предостерегающие взгляды матери, всякий раз возвращаясь к разговору о брачном договоре, упоминать о котором не стоило, – но он все равно его упоминал.

Я сидела, уставившись в свою тарелку с нетронутой едой – запеченной медвежатиной и пряной репой, и гоняла кусочек мяса по лужице белых сливок.

Принц тоже не съел ни крошки. Зато он пил вино.

Какой дурак, подумала я, ведь он предупрежден насчет еды, но почему-то не догадался, что напитков это тоже касается. Наши вина изготавливались так же, как и все остальные – но руками фейри. Их страсть к своему делу и жизненная сила насыщали каждую партию.

Щеки Брона разругались, он совсем окосел. Когда принц начал посмеиваться без повода, мать вежливо намекнула:

– Дорогой гость, возможно, вам не стоит больше...

Именно в тот миг и прибыли два полководца – один из отцовской армии, второй из сопровождения Брона, оба одинаково мрачные.

– Ваше величество, – коротко кивнув, сказал Эльн. – Мы получили известие о том, что в Весеннем лесу обнаружены трупы – подвешены на деревья, конечности оторваны, в реке кровь... – Он осекся, когда мать подняла руку и бросила мимолетный взгляд на меня. – Прошу прощения.

Мысленно порадовавшись отсутствию аппетита, я улыбнулась уголками губ, а внутри у меня все сжалось.

– Мои люди? – вскричал принц, моментально растеряв всю веселость – его сияющее лицо будто заволокла грозовая туча. Он встал и, покачнувшись, усиленно заморгал. – Ну и ну, чем вы меня тут опоили?

Мать прикусила губу. Никто его насильно не поил. Он подливал себе вино чаще, чем мы замечали.

– Кто-нибудь уцелел? – спросил отец, невидящим взглядом уставившись в стол. Палец его кружил вдоль края бокала.

– О таких не докладывали.

Отец встал, а змеи в зарослях, отчеканенные на спинке его золотого с серебром кресла, казалось, насторожились.

– Поговорим снаружи.

Когда Брон споткнулся на ровном месте, его командующий предложил принцу в качестве опоры свою руку, но, получив за это выговор, убрал ее.

Весенний лес тянулся вдоль всего побережья, от замка Грейсвуд до самого Эррина – но это было не важно. Они туда добрались. Снова пересекли границу.

И их было много – если они перебили солидную часть армии принца.

* * *

Несколько часов я металась по комнате. Затем достала плащ принца и, решив все же выполнить данное ему обещание, уселась на подоконник, откуда открывался вид на сады внизу.

Невидимая нить протянулась от моих пальцев к ткани, и я велела ей слиться оттенком с золотисто-коричневым плащом. От потертого бархата пахло самим принцем, морской солью и чем-то сладким вроде жженого сахара.

Губы Брона – пухлые, мягкие, теплые, – что неожиданно коснулись моей щеки, золотистые искры в его карих глазах... Те мотыльки у меня в животе погибли: их затопило расплавленной лавой – когда мне вспомнились глаза и улыбка другого мужчины.

Когда я представила, как жестокие, но чувственные губы Клыка скользят по моей коже, как его пальцы нежно дотрагиваются до заостренного кончика моего уха.

Открыв глаза – я и не заметила, что прикрыла их, – я свернула починенный плащ и уперлась лбом в стекло. Интересно, подумала я, чем сейчас занят Клык, какими поручениями загружает его днем король-зверюга и был ли он среди убийц,

что напали на тот городок и людей принца в Весеннем лесу.

Два нападения. Безжалостные, быстрые, почти в одно и то же время.

Мои исполненные страха мысли прервал стук в дверь. Я слезла с подоконника и стремительно пересекла комнату, учуяв запах того, кто стоял за дверью – то были не родители и не прислуга.

– Добрый вечер, – сказал принц, под глазами у него залегли морщинки, волосы были взъерошены. – Надеюсь, час не слишком поздний – я пришел за плащом.

– Вы уезжаете?

Он кивнул, не поднимая на меня взгляда.

– Да, глупо было заявиться сюда в такой момент. – Его губы сложились в усталую улыбку. – Мама всю жизнь корит меня за излишнее любопытство. Так и тянет меня на приключения.

В этом мы с ним были похожи, поэтому я улыбнулась ему и протянула плащ.

– Я его починила.

Принц снова кивнул и развернул накидку, чтобы взглянуть на то место, где была дыра, а я прислонилась к дверному косяку, рассматривая его. Он стоял в свете факелов, что горели в коридоре по обе стороны двери. От ресниц на его щеки упали длинные тени, рот превратился в тонкую линию.

– Пожалуй, уехать прямо сейчас будет неразумно, о чем мой отец уже явно вам сказал...

Взгляд принца, ошеломленный и потемневший, взметнулся от заштопанного плаща ко мне.

– Это золото.

– Простите, что?

Он постучал ногтем по строчке – звук вышел звонкий. Принц тряхнул плащом передо мной и взволнованно заморгал.

– Эта строчка, *ваша* строчка... – Брон сглотнул. – Она *золотая*.

Нет.

Похолодев, я выдернула плащ у него из рук и посмотрела сама.

Это действительно было золото. Толстая аккуратная строчка, проложенная золотой нитью.

Проклятье. Стыд, потрясение, страх – прямо как в юности – все эти чувства вновь ожили во мне, но я затолкала их поглубже.

– Похоже, я ошиблась с оттенком, – пробормотала я, надеясь, что Брон купится на отговорку.

Он с ухмылкой взглянул на плащ, явно в этом усомнившись.

– Позвольте, я узнаю, сможет ли кто-нибудь это переделать. – Распустить строчку я смогла бы и сама, но все же проскочила мимо него и помчалась вниз по лестнице на поиски матери, чьи покои находились в другой башне замка.

Я миновала темный холл и побежала вверх по ступенькам,

путаясь в тяжелой пышной юбке и постоянно спотыкаясь. Распахнула дверь в родительскую спальню и, обнаружив, что там пусто, вернулась в вестибюль – сердце у меня в груди от страха сжалось в комок.

Я снова ринулась вниз, и на последнем пролете меня поймал отец – его ясные глаза прочли по моему лицу все, чего я не могла произнести вслух. Оглядевшись, он втолкнул меня в ближайшую кладовую – туда, где нас бы никто не увидел.

– Посмотри на меня, пчелка. Смотри сюда. – Я, как всегда, послушалась. Его глаза сменили цвет: из темно-зеленых стали золотыми, затем карими. В детстве такие трюки смешили меня, а когда я выросла, они превратились в способ умирять бури, что разыгрывались у меня в душе. Ту дикую натуру, которая жила во мне и временами грозила вырваться наружу. Зачастую мне было достаточно просто постоять рядом с отцом, чтобы успокоиться – на подобное он всегда находил время.

Но сейчас это не сработало. Мы оба догадывались, что так и будет, и через пару минут, осознав, что дышу я все так же судорожно, отец убрал руки и отошел с моего пути.

– Давай. Беги.

Я бросила плащ и припустила.

Покидать замок в такой час было небезопасно. Я об этом знала, как знал и он. Но иначе поступить не могла. И отец, и мать считали, что другой исход событий будет куда хуже.

Снова проскочив сквозь кухню, я замерла на пороге и осмотрелась – когда факелы дозорных стали едва различимы вдали, я побежала через огород к полям.

Золото.

Благоговеиный ужас на лице у принца. Если такой секрет выплывет наружу... Я бежала все быстрее, выбиваясь из сил, кровь пульсировала в каждой вене, мышцы едва не лопались от напряжения.

Впервые это случилось, когда я была еще мала. Я чинила любимое мамино платье из шелка сливового цвета – то, которое, по ее словам, нравилось моему брату. И когда я представила, как она безмятежно улыбается, как они стоят рядом, *это* произошло... само собой.

Я пришла в восторг, думала, мать обрадуется, когда увидит, что я сотворила, но они с отцом испуганно переглянулись и велели мне никогда и никому об этом не рассказывать.

И никогда так больше не делать.

Многие годы мне запрещалось чинить вещи, но однажды я все же послушалась – и доказала им, что могу иначе.

Сначала родители мне не поверили, но, убедившись, что в строчке нет ни следа золота, кивнули и разрешили заниматься починкой одежды – но только у себя в покоях.

Целительство, созидание, умение чинить и управлять растениями были у нас в крови, частичками нашей души. Эти дары были песней наших сердец, и когда эта песня рвалась на волю, сдерживать ее было мучительно. Так же мучи-

тельно, как игнорировать мощный импульс, который бился во мне и молил сейчас же дать ему свободу.

Но я крепилась – выбора у меня не было. Я неслась сквозь лес по знакомой тропинке, привычно огибая валуны и пере-скакивая через расставленные силки.

Я знала, что его здесь нет – знала это еще до того, как достигла устья пещеры и проползла внутрь.

Но только пробравшись сквозь дерево и вынырнув из дупла, поняла, почему народ в городе заколачивал окна лавок и домов.

Кровь.

Водная поверхность бликовала в сиянии звезд, а по ней, будто голодные змеи в поисках еды, тянулись темные разводы.

Его здесь нет. Он не придет.

Но вместо того, чтобы перебирать в уме все жуткие на то причины, я позволила бурному потоку внутри утянуть меня на дно.

Где, погрузившись во тьму, я наконец расслабилась.

* * *

Когда с первыми лучами солнца я вернулась домой, мать ждала меня в комнате.

– Ты хоть понимаешь, что наделала? – мрачно спроси-

ла она.

Я тряхнула головой и провела рукой по волосам – выражения лица матери я не видела, голубой балдахин отгораживал ее от меня.

– Конечно понимает, – раздался отцовский голос у меня за спиной, я, запнувшись, шагнула в опочивальню. Лицо у отца было усталое. – Она решила нашу печальную судьбу.

Его слова пронзили меня, будто тупой клинок, но злости в них я не услышала – только смирение. Заметив, что он в доспехах, а на боку у него висит меч, я спросила:

– Куда ты собрался?

– Принц и его люди ждут нас за окраиной города. Мы должны сопроводить их до Эррина.

– Тебе нельзя, – запаниковала я. – Это небезопасно.

– Сейчас везде небезопасно, – пробурчал отец, но, когда у меня вытянулось лицо, выдавил улыбку. Он обнял меня и пробормотал мне в макушку: – Посмотри на меня, пчелка. – Вдохнув его запах – в кармашке на перевязи он хранил горсть сушеной черники, – я посмотрела в его утомленные зеленые глаза. – Мужайся.

Мать вышла вслед за ним, но в комнате осталось марево удушливой тревоги. Оно окутало все вокруг, все мои мысли, поэтому я обрадовалась, когда в покои вошла Линка и увела меня оттуда.

– Пойдемте. Он ведь ненадолго на юг – туда и обратно.

Я взяла ее под руку и кивнула. Мы с Линкой вышли

на балкон родительской комнаты. Отец, взобравшись на своего черного, как ночь, жеребца, пришпорил его и вместе с отрядом солдат исчез в клубах пыли.

4

Закат укатился за гряды холмов на горизонте, затянул день с собой в розово-оранжевую пучину, и небесная высь осталась в распоряжении надвигающейся ночи.

На сей раз Клык явился. У кремнистой стены пещеры стоял меч – я взяла его и замерла в ожидании.

– Солнышко, – приветствовал меня воин с наигранной веселостью, хотя я в тот миг напоминала скорее грозовую тучу. Его тяжелая поступь сотрясала дерево так, что меня осыпало трухой; шагал он вальяжно, но быстро, и вскоре достиг входа в пещеру. – Мы можем не тренироваться, если ты...

Как только он приблизился, я без предупреждения набросилась на него; Клык не успел вытащить меч из ножен, но ловко пригнулся, чудом не лишившись пары белесых локонов.

– Опал.

Я не обратила на него внимания, как и на свое имя, что слетело с губ воина так, будто это было нечто большее, чем просто слово.

– Дерись.

Спустя несколько напряженных, изнурительных секунд взгляд его синих глаз потемнел. Клык наконец вынул меч из ножен.

– Кто-то разозлил тебя?

Я была не в настроении вести беседы. Это вызвало бы у меня лишь боль и гнев – его собратья непрестанно убивали мой народ и людей, но ему не было до этого дела. Ему не было дела до того, что их ненависть и злоба, алчность и жестокость разлучили мою семью и вот-вот вынудят нас пасть к ногам смертных и молить их дать нам убежище.

Убежище, которого нам не видать – из-за меня, ибо в глазах людей все мы были монстрами, не заслуживающими доверия отродьями.

И дозорному совершенно нет до этого дела.

Я снова замахнулась, и наши мечи столкнулись в воздухе – лунный свет вспыхнул на клинках, когда те с лязгом соскользнули вниз.

– Опал, – повторил Клык, но я отступила, не сводя глаз с его меча. – Проклятье, да что в тебя вселилось?

Мне не хотелось с ним говорить. Мне вообще не следовало с ним *общаться*. Сколь бы невинным ни казалось это общение.

– Солнышко? – спросил он так мягко, что это можно было спутать с искренней заботой.

Убить его я бы не смогла. А даже если бы и смогла, то не была к этому готова, и мы оба это понимали.

Поэтому, отбросив меч, я ушла не оглядываясь – на сей раз я, а не он.

За воротами замка стражники стояли на каждом углу, и когда я шагала сквозь оживленный рынок в сторону городской площади, многие из них неодобрительно на меня поглядывали.

Я определенно заслужила это неодобрение, но вовсе не по той причине, о которой они думали.

Стражники явно считали безумием то, что мать позволяет мне слоняться по городским улицам, забитым телегами и крытыми повозками, которые с грохотом катились вслед за лошадьми по брусчатке, и лоточниками, маячившими на каждом перекрестке.

Но мать – с отъезда отца она не покидала своей комнаты, – даже не догадывалась, где я.

– У нас достаточно плодовых саженцев, чтобы перезимовать, принцесса, – сказала Линка, которая шагала рядом со мной, крепко вцепившись в пустую корзину для покупок. – И трав тоже. Если вам что-нибудь понадобится, мы сами это принесем.

Однако явилась я сюда с другой целью, и вскоре – когда мы пересекли площадь и свернули в темный переулок – до нее это дошло. Мы уперлись в тупик, где в колючем кустарнике тихо журчал ручеек, и до меня донеслись ароматы выдержанного вина и роз, но я не поморщилась.

Мы остановились перед выкрашенной в черный дверью в каменной арке. Кладка здесь была темнее, почти карамельного оттенка, кое-где в щелях виднелась черная плесень, пробивались ростки виноградной лозы. Яркий контраст в сравнении с белизной лунного камня и густыми живыми изгородями, которыми изобиловал этот город.

Дверной молоточек был необычной формы: змеиная голова на фоне медной пластинки, символизирующей восход солнца. Герб нашего королевства. Хозяйка этого дома служила Синшеллу сотни лет, хоть и являла собой сущность, которая не вписывалась в рамки королевской службы. Впрочем, иной мог бы задаться вопросом, кто получает от этого большую выгоду.

Я взялась за металлическую фигурку, почувствовала обещанное слухами покалывание в пальцах и отпустила ее – молоточек стукнул в дверь.

– Принцесса, – прошипела Линка, запоздало догадавшись, где – или, вернее, у чьего дома мы стоим. – Я запрещаю вам...

– Жди здесь, – отрезала я и шагнула внутрь, когда дверь скрипнула и открылась сама собой. Я ощутила укол вины, но для того, чтобы не вызвать подозрения у стражей на воротах замка и ненадолго выбраться в город, мне нужна была компаньонка, и ею, несмотря на все протесты, стала Линка.

Я бы не рискнула позвать с собой кого-то другого.

Дверь беззвучно захлопнулась у меня за спиной, пламя

шести свечей, стоявших на забитых книгами полках, дрогнуло и взметнулось. Я сделала три шага вперед и остановилась на пышном изумрудном ковре.

Озаренная лучами солнечного света, что проникали в комнату сквозь окно с красным стеклом, в роскошном, похожем на трон кресле за большим письменным столом сидела, положив ногу на ногу, женщина с рубиновыми глазами.

– Светлейшая, – проворковала змеиная колдунья, а две сияющие белые змеи, дремавшие у нее на плечах, зашевелились. – Я так тебя ждала.

Она решила нашу печальную судьбу.

– Да? – Сглотнув комок в горле, я опустила капюшон серого плаща и спрятала руки в карманы, чтобы скрыть, как те дрожат. – Тогда прошу прощения, что заставила ждать.

Колдунья недоверчиво хмыкнула. Перед ней стояло блюдо с вишнями. Змеи заползли внутрь ее выющейся бордовой шевелюры и замерли.

– Ты опоздала.

Я недоуменно заморгала, затем нахмурилась:

– Вы же сказали, что ждали меня.

– Верно, ждала, но ожидание мое затянулось.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, – промурлыкала она и воткнула шпажку в вишню, – что кое-кто нанес мне визит раньше тебя, и теперь твоя судьба больше не в моих руках.

– Как это? – спросила я, чувствуя, что какая-то мысль кру-

тится на темных задворках моего сознания. Замешательство превратилось в нечто иное, отчего в сердце мне воткнулась стрела страха.

– Тебе известно *как*, юная принцесса. А кто нанес мне визит? – Прожевав вишню, она широко улыбнулась – от сока спелой ягоды ее змеиная улыбка казалась окровавленной. – Что ж, ваши судьбы переплетены.

У меня внутри будто произошел камнепад, стало трудно дышать.

Зная, что большего от нее не добьюсь, я кивнула, поднялась и направилась было к выходу, но тут замки на двери защелкнулись.

– Вознаграждение.

– Но ведь я так и не узнала, что меня ждет, – зачем-то сказала я, а руки сами собой сжались в кулаки. Неудивительно, что она хочет что-то от меня получить. Никому не удавалось покинуть ее логово, не оставив здесь частички себя.

– Нет, ты узнала. Возможно, пройдет некоторое время, прежде чем ты поймешь, что именно предназначено тебе звездами.

Я уставилась на колдунью, а затем закатила глаза, радуясь, что стою к ней спиной и она не видит моего лица.

– Я пришлю вам столько монет, сколько пожелаете.

– Ты ведь знаешь, что не монеты мне нужны, светлейшая. Десяти капель хватит. – Я обернулась к ней, и сердце у меня ушло в пятки, когда она постучала ногтем по большому чер-

ному кубку на столе и пододвинула ко мне маленький кинжал. – Не торопись.

Испытывая соблазн зажмуриться, я воткнула острие себе в ладонь и, не обращая внимания на боль, стиснула ее в кулак. Колдунья следила не за каплями крови, падавшими в кубок, а за моим лицом.

Когда я встретилась с ней взглядами, она нагнула голову, уголки губ ее на миг поднялись, но тут же опали – это вряд ли можно было счесть за улыбку, – а рубиновые глаза потемнели.

– Выглядишь точь-в-точь как она.

– Как кто? Моя мать? – спросила я, застигнутая врасплох.

Колдунья взяла кубок – чему я обрадовалась, поскольку потеряла счет каплям, которые в него выпустила.

– Передай ей мой сердечный привет. – Она встала и выскользнула из-за стола, а ее змеи подняли головы.

Не желая знать, что она собирается делать с моей кровью, я торопливо покинула ее обиталище.

* * *

– Что, во имя звезд, в вас вселилось? – сердито прошептала Линка после того, как мы снова пересекли площадь. Ее румяное лицо побелело от страха. – Вы ведь знаете, кто она.

– Конечно знаю. – В знак подтверждения я показала ей

ладонь – порез уже почти зажил.

Ошеломленная Линка на время замолчала – мы пробирались сквозь толпу, что теснилась на улице у входа в обувную лавку. Там проходила распродажа – вероятно, владельцы сочли, что с приходом войны их творения станут раскупать хуже, и решили поскорее продать столько, сколько получится.

– Ну, так и что же она предсказала?

– Ничего.

– Ничего? – едва ли не взвизгнула Линка. – Нельзя нанести визит колдунье и уйти ни с чем.

Устало вздохнув, я поправила капюшон плаща. Некоторые узнавали меня даже в нем, но я шагала быстро, и к тому моменту, когда до прохожих доходило, кого они только что увидели, я была уже слишком далеко, чтобы меня могли догнать или отвесить мне поклон.

– Она не смогла поведать мне мою судьбу, – нехотя признала я. – Она уже рассказала ее кому-то другому.

Мы поднялись по крутому холму к воротам замка – твердыни из лунного камня, что возвышалась над городом и поместьями за его пределами. Очередное слепящее светило.

– Кого может интересовать ваша судьба?

– Не знаю, но сомневаюсь, что хоть кого-то, – сказала я, сама уже не раз задавшись этим вопросом. Я кивнула стражникам, и нас пропустили. – Кто бы это ни был, он пришел к ней узнать собственную участь.

Оставив Линку в холле разбираться с делами, я добрела

до библиотеки на втором этаже, надеясь, что нарастающая во мне волна тревоги уляжется, когда я окажусь рядом с уютно потрескивающим камином в окружении бесценных фолиантов с потертыми корешками.

Стоило бы догадаться, что это не поможет. Положив старинный исторический трактат на мраморный стол, я подняла взгляд на портрет в серебряном окладе, на котором были изображены мать, отец и мой покойный брат Джоун. Улыбки на их лицах были едва различимы, но в глазах у всех троих светилося счастье.

На другой стене висел еще один портрет – на месте Джоуна была крошечная я.

Изучая полотна, наши схожие золотистые глаза и волосы, я старалась не обращать внимания на то, что взгляды у всех, за исключением меня, были безрадостные. Я отсчитала, сколько часов назад уехал отец.

Бездна внутри разверзлась шире.

Скоро. Скоро он вернется. Дорога до Эррина – это два дня верхом, если только отец не решил проехать через чужьи земли и доставить принца и остатки его свиты напрямиком к дверям местных правителей.

Сверху донесся глухой удар, за которым последовал редкий звук – мать на кого-то кричала. В коридоре раздались шепотки – прислуга взволнованно переговаривалась и обменивалась поручениями.

Веки закрылись сами собой, в комнате внезапно стало

слишком жарко, слишком душно, слишком тесно.

– Не сейчас, – прорычала я сквозь зубы.

Чувство не отступило. Но и я не отступилась.

Я не побежала. Настроившись на сей раз одолеть инстинкт, я шла размеренным шагом, но, дойдя до леса на северной окраине наших земель, запоздало поняла, что не смогла бы ему поддаться, даже если бы сама того захотела.

Во-первых, все еще было светло, да и место это – залезая в пещеру, я уперлась руками в сырую землю, – больше нельзя было считать достаточно укромным, чтобы я могла бы себе такое позволить.

Я пробыла там до наступления ночи – решила дождаться, пока меня отпустит, как следует переварить витиеватые слова колдуньи, чтобы они перестали вселять в меня страх. Привалившись спиной к теплой земляной стене пещеры, я наблюдала, как дрожат руки и ноги, как ступни пропадают и возникают снова, и уговаривала кровь остыть.

Луна была неразличима в небе. Он не пришел и не придет; спустя несколько часов озноба – хотя внутри у меня все кипело, – я поняла, что пора идти домой. Пожалуй, так будет разумнее.

Настроившись встать, я открыла глаза – и тут на другом конце пещеры раздался тихий хруст.

– Что с тобой происходит...

Не вопрос, а требование ответа.

– Ничего, – торопливо отозвалась я и вскочила, надеясь,

что ноги меня не подведут.

Благо они не подвели, и, глядя на приближающегося Клыка, всматриваясь в его черты, я почувствовала, как бурление крови в жилах стихает. Лунный свет не касался его лица, но серебрил высокие острые скулы, над которыми поблескивали льдистые глаза – от этого вида у меня захватило дух.

– Больше всего я ненавижу людей, которые впустую тратят мое время. – В ответ на это его заявление я бы презрительно фыркнула, будь у меня силы. – Скажи, почему тебя трясет, как лист на ветру.

Заглянув в те глаза, я тотчас потупилась – нужно было либо что-то ответить ему, либо уйти. У меня возникло чувство, что на сей раз он меня не отпустит.

– Принц заезжал.

Воцарилась тишина, слышно было только журчание воды за пределами нашего тайного убежища.

– Прошло все не очень, скажем так, – пробормотала я, надеясь, что такое объяснение удовлетворит дозорного.

Тихо хмыкнув, тот уточнил:

– Ну так вы обручились?

Я усмехнулась и снова прислонилась к стене пещеры – ко мне постепенно возвращалось ощущение собственного тела.

– Не похоже на то.

Снова тишина.

– Значит, ты разочарована, – предположил Клык и, словно

хищник, нагнул голову вбок, не сводя с меня блестящих глаз.

– Что-то вроде того. – Я рассекла подол кружевного платья кинжалом, который теперь носила на бедре, и взгляд воина обжег мои голые ноги, как раскаленное клеймо. – Ты мечи свои принес?

В ответ он вытащил оба клинка из ножен.

– Ты завела привычку носить оружие.

– Отчаянные времена, – процедила я – обрадовавшись отступлению паники, я в очередной раз забыла, что нахожусь там, где не следовало бы, да еще и в компании багрового застранца с той стороны ущелья.

– Наслышан, – напевно произнес он.

На меня накатило раздражение – липкое и густое. Я сунула кинжал обратно в ножны на бедре и выхватила у него короткий меч с изумрудами на темной рукояти.

– Твоя работа? Я про Весенний лес. Городок у реки и деревни.

– Не стоит задавать вопросы, ответы на которые придется тебе не по вкусу, – промурлыкал Клык, вращая меч. Его глаза неотступно следили за мной – сверкающие как лед и совершенно бездонные.

– Ладно, – сказала я с беспечностью, которой во мне не было. Вняв его совету, я направила ярость в полезное русло и, стиснув потертую рукоять меча, приняла боевую стойку.

В его синих глазах мелькнула озорная усмешка.

– Потанцуем, солнышко?

– Я уже жаждалась приглашения.

Мы одновременно сделали выпад – клинки сошлись, и на наших лицах расцвели одинаковые улыбки. Рука дрогнула от усилия, которое мне пришлось приложить, отражая его удар, и я заскрежетала зубами.

– Что-то ты не в форме сегодня, – произнес Клык скучающим тоном, когда я, подавшись вправо, сделала резкий выпад вперед, и его меч остановил мой – сталь сошлась на уровне его груди, располовинив его улыбку, а наши животы соприкоснулись.

Оттолкнувшись от него, я тяжело выдохнула:

– Я в форме.

И перехватила рукоять меча обеими руками, готовясь отразить его вертикальный замах.

Но сама не заметила, как оказалась на земле: Клык совершил обманный маневр, и теперь мой затылок покоился в большой ладони дозорного, а острие его меча целилось мне в горло.

– Погибла, – прошептал он, прижавшись всем своим жестким телом к мягкому моему.

И заморгал, будто сам только что это осознал – густые брови сошлись над кобальтовыми глазами.

– Вот громадина. – Это было единственным, что пришло мне голову – слова слетели с моих уст раньше, чем я осмыслила, как он может их воспринять.

Синие глаза распахнулись и тут же прищурились, губы расползлись в улыбке. О звезды, какие у него были безупречные зубы, ослепительно-белые и в темноте – даже его длинные острые клыки.

– Сочту это за комплимент. – Его улыбка увяла. – Хотя что ты можешь в этом понимать?

Я набрала в руки земли и приготовилась метнуть ту ему в глаза, если понадобится, а затем скинуть его с себя, но тут меч Клыка упал рядом со мной, а сам он приподнялся. Лишь немного. Волосы ниспадали ему на лоб. Его мощные руки перекрывали мне путь к отходу.

Никогда прежде я не чувствовала себя миниатюрной. Подобное вообще меня раньше не тревожило.

До этой минуты.

До того мига, когда я ощутила силу, первобытную и кровожадную, которую излучало все его существо. У меня перехватило дыхание, стыдливо вспыхнуло лицо.

Я так ничего и не сказала, и он, вероятно, ощутив жар моих горящих щек, тихо спросил:

– Он поцеловал тебя?

Я не сразу вспомнила о существовании принца, и хотя ответом я Клыка не удостоила – это его не касалось, он прочел все по моим глазам и ощупал взглядом мое лицо.

– Куда?

– Слезай, – сглотнув, хрипло выдохнула я.

Еще одна возмутительная ухмылка.

– Ты ведь этого не хочешь. Говоришь так, только чтобы избежать позора.

Я закрипела зубами от злости и все-таки призналась:

– Он поцеловал меня в щеку.

Клык без предупреждения припал ко мне и принялся водить кончиком носа вдоль моих щек, пока не учуял то, что искал, – хотя с тех пор я умылась уже не раз, – и с силой втянул воздух. А затем, когда я запустила руки ему в волосы – поразительно мягкие, – чтобы оттянуть его голову от себя, лизнул мою кожу.

– Ты – что?..

– Тихо, – сказал он – коротко, словно гавкнул, – и, снова припав ко мне, лизнул еще раз.

Меня пронзило судорогой удовольствия. Ощущение сродни щекотке перышком переместилось из груди в живот. Затем мягкие, словно розовые лепестки на солнце, губы воина нежно коснулись моей щеки, исследовали каждый ее дюйм, а из горла его вырвался тихий рокот, и я запустила руки глубже в шевелюру Клыка.

Еще. Я хотела еще.

Словно почуяв это, он мучительно неспешно приблизил свои губы к моим.

Наши взгляды встретились и на пару мгновений задержались друг на друге – кажется, сердце у меня в этот миг остановилось. Его глаза потемнели. Зрачки расширились, чернота почти слилась с океанской синевой. Меня пробрала

дрожь, и тут его ресницы опустились – а вслед за ними и губы.

Та щекотка превратилась в жидкое пламя.

Губы воина мягко, несмело прижались к моим, ища удачный угол соприкосновения – и нашли его. Низкий стон прозвучал в унисон с моим вздохом, мой рот приоткрылся – достаточно, чтобы принять его губы. Я схватила Клыка за волосы.

– У меня это впервые, – хрипло признался он и косо посмотрел на меня, будто я вытянула из него эти слова и я же заставила его улечься на себя и поцеловать.

Этот взгляд, этот нервный прищур сообщили мне, что дзорный не лжет. И поцелуй его, пусть и лишивший меня воли, его робость и неспешность подтверждали то же самое.

Я оцепенела. И потеряла дар речи: этот безжалостный юный бог не был целован сотнями женщин или – о, звезды – даже мужчин. Да как такое возможно?

Клык закусил губу, наблюдая за мной. Затем попытался отстраниться – но я не выпустила его из своей крепкой хватки.

– У меня тоже, – наконец прошептала я.

Ноздри его раздулись, глаза вспыхнули, лицо озарила восторженная улыбка, какой я у него еще не видела. Улыбка, которая сообщала о безмерной радости – или даже облегчении.

– Слава треклятым звездам, – низким голосом произнес он и снова приник к моим губам.

От робости не осталось и следа. Он целовал меня так, будто выполнял самое важное задание на свете: его губы слились с моими – у меня зашло сердце, – а затем его бархатный язык проскользнул мне в рот.

Когда твердый стержень в его паху вжался в мою мягкую плоть, я застонала – и мне было все равно, как это звучит. Он медленно провел ладонью вдоль изгибов моего тела и, подхватив бедро, закинул мою ногу себе за спину.

Низкий стон окутал мой язык, и я жадно проглотила его, как и последующее ругательство. Он вдавил член в мое тело прямо через одежду, наши языки сплелись, мы впились в губы друг друга.

Мой рот наполнил вкус меди – ну и что с того. Я пропала в темной манящей бездне, где не было ничего, кроме этой радуги чувственных ощущений. Его жар, его дыхание – обычно размеренное, оно стало прерывистым и согревало мои губы с каждым толчком его бедер.

Я открыла глаза – Клык тоже смотрел на меня. Когда он схватил зубами мою губу, мне показалось, что меня уносит стремительный поток ветра – хотя в тот миг я лежала на твердой земле. Вкус крови вернулся, и Клык резко отстранился, будто я схватила меч, что валялся рядом, и пронзила его.

Он пристально смотрел на меня – сердце мое колотилось как бешеное, я не контролировала свои мысли, не говоря уже о словах. Его губы в пятнах крови приоткрылись, грудь за-

ходила ходуном – он уставился на меня так, словно у него на глазах я отрастила еще голову.

А затем, не говоря ни слова, подобрал свои забытые мечи и на неверных ногах зашагал к выходу из пещеры. К дереву, сквозь которое проходил его путь через ущелье.

– Постой, – кое-как выдохнула я, опершись на локти. – Клык.

Шаг его сбился, но он так ничего и не сказал, так ничего и не сделал – просто растворился в ночи.

* * *

Когда он ушел, повисла оглушительная тишина – она отняла у меня тот драгоценный воздух, который все еще оставался в легких.

Пошатываясь, я поднялась с земли, стряхнула пыль с волос и приказала влаге, подступившей к глазам, высохнуть.

Я поцеловала его. Он поцеловал меня.

Это было не просто запрещено. Без доказательства, что отношения начались еще до второй войны, связь с багровыми теперь считалась государственной изменой.

Но меня пугало не это. Нет, больше всего пугало поселившееся внутри чувство опустошения, словно он отнял у меня то, чего я не могла описать, не могла осознать – и сомневалась, стоит ли даже пытаться.

То, чего я, возможно, уже не смогу вернуть.

Возле устья пещеры я опустилась на четвереньки и поползла наружу, но, заметив что-то в траве, остановилась. Подойдя поближе, я пнула туфелькой матерчатый мешочек.

Из него высыпались перченые орешки – мне даже принюхиваться к ним не пришлось: чужеродный запах и так висел в воздухе. В наших землях такого не ели.

Потому что такое ели *там*.

Мир съезжился и искривился, мысли, что затуманились по вине Клыка, мгновенно прояснились.

О, звезды. Он ведь...

Оглянувшись на вход в пещеру, я глубоко вдохнула и пошла по следу чужих запахов, тех знаков, что упустила ранее, ибо была целиком поглощена попытками опомниться и взять себя в руки, которые позже пришлось повторить – уже по вине Клыка.

Из лесной чащи донесся вой, и я побежала со всех ног, зная, что не успею, зная, что до источника воя еще много миль и что мой единственный шанс успеть – это перекинуться.

Что я и сделала – сердце взбрыкнуло и на секунду замерло у меня в груди.

Кровь взревела и загудела, зрение помутилось, чувства резко обострились – раньше, перекинувшись обратно, я часами страдала от рвоты. Неуклюжая из-за паники и с непривычки, я чуть не влетела головой в дерево, но все же успела

расправить крылья и, обогнув его, устремиться ввысь.

Я поднималась все выше и выше, и за считанные минуты кроны деревьев остались далеко позади. Слева от меня над замком взошла луна, но я летела на юг, вдоль лесной чащи и зеленой поросли, что окаймляла ущелье.

Краем глаза я заметила, что от городка за воротами замка исходит мягкое оранжевое свечение; в деревушках, расположенных между городскими стенами и лесами, что проплывали подо мной, было сонно и темно. Картина менялась по мере приближения к Эррину, человеческому королевству на материке, расстояние до которого, казалось, никак не хотело сокращаться. В свете звезд поселки, фермы, крошечные города и старая шахта казались пустыми оболочками, обителью тьмы, над которой уже никогда не взойдет солнце.

Быстрее. Нужно было лететь быстрее.

В юности я поднималась в небо бесчисленное множество раз, пока училась делать это незаметно, управлять своим даром, который родители скорее считали проклятием, – но никогда не летала так быстро. Ледяной, пробиравший до самого пуха ветер бросался на меня, пытался развернуть обратно – на север, домой. Но мне нужно было на юг.

Не в силах совладать с собой, я посмотрела вправо, на ущелье за лесами – туда, где острые скалы и деревья были четко различимы даже в ночи. За ними лежали земли Воргана. Богатые, лесистые, мрачные. В сердце страны, как россыпь далеких звезд, мерцали огоньки – город, а через реку

от него дворец, что надзирал за Ворданом с северной его окраины.

Цитадель тьмы.

Много лет минуло с тех пор, как я в последний раз видела ее сверху. Я никогда там не бывала. Мы бы на такое не решились. Явиться туда было все равно что добровольно согласиться на преждевременную смерть.

Эта мысль поблекла, когда ветер донес до меня вопли с юго-востока. Заложив вираж, я снизилась и вскоре увидела собственными глазами все, что там творилось.

Пожары, резню, убитых...

Всю ту кровь.

Ни следа принца и его солдат. Они пересекли границу и, видимо, уже были дома. Здесь же был лишь мой отец со своим маленьким отрядом, совершавший обратный путь.

Звенела сталь. Звери припадали к земле. Кровь, словно дождь, орошала все вокруг и, как дождь, собиралась в лужи.

Сердце полыхало у меня в груди, горло забил пепел.

Я опоздала.

Было слишком поздно, однако я развернулась, дабы остаться незамеченной, и, скрывшись за деревьями, снизилась и пролетела сквозь пустой амбар и сломанный забор. Приземление вышло жестким – трава под лапами оказалась не мягче камня. Но я не перекинулась.

Спрятавшись в тени большого гнилого пня, за которым рос чертополох, я беспомощно наблюдала за происходя-

щим – ничего другого мне не оставалось.

Много. *О, звезды*, как же много их там было. Волки разных мастей – массивные и помельче, некоторые с крыльями, большинство вдвое крупнее человека – рычали, нападали и рвали на части...

Как же много их под покровом ночи пересекло природный мост, переброшенный через ущелье, или реку.

Я споткнулась о собственную перепончатую лапу.

Клык.

Я.

Это моя вина.

Волк, больше любого из виданных мною, приземлился на прогалину, и пасть его отверзлась с таким свирепым рыком, что сотряслись все мои перья и каждая залитая кровью травинка на том лугу.

Этот рогатый зверь вскинул светлые мохнатые крылья, почерневшие от запекшейся крови, и, сложив их, выступил из толпы.

Кровавый властитель.

Битва не прекратилась – но это была и не битва. Солдаты отца, фейри, которых учили сражаться со дня достижения зрелости, падали как мошки под натиском гигантских лап.

Это была бойня.

Действовать. Я должна была действовать, но, присоединившись к этой схватке, я, несомненно, погибну, и моя смерть неминуемо повлечет за собой куда более значитель-

ные и далеко идущие последствия.

Я – единственная наследница. Наследница, которая должна продолжить род.

Но тут отец, который с яростным ревом отбивался сразу от трех волков, получил удар в бок. Его седина с золотистыми прожилками была вся в крови, я едва узнавала его лицо... Я не могла его бросить.

Я не могла бросить их.

Если я перекинусь обратно, кинжал, вероятно, будет все там же – у меня на бедре, хотя толку от него в схватке с бес-тиями, вчетверо превосходящими размерами даже рослую меня, будет не много.

Самый крупный зверь – король – ступал по павшим, давя их своими гигантскими лапами, словно жертвы его уже обра-тились в прах и принадлежали этой земле и ничему больше.

Отец, отражавший одну атаку за другой, слабел с каждой секундой и не замечал его приближения.

Я закричала – немногим громче, чем гогочут дикие пти-цы, призывая себе подобных, – тщетно и бессмысленно.

Но он услышал.

Отец взглянул в мою сторону, и в глазах его уже читалась не ярость, а беспримесный страх. Страх за меня. Его глаза взметнулись к деревьям, моля меня улепетывать отсюда.

Стоило бы прислушаться к нему, хотя вряд ли он думал, что я буду способна сдвинуться с места. Но тут волк поднял-ся на задние лапы и, схватив отца за шею, поднял над землей.

Его когтистая мохнатая лапа вошла глубоко отцу в грудь – и волк перекинулся.

Зверь – вернее, мужчина в знакомом черном плаще – присел и, не выпуская отца из своей хватки, что-то вырвал у него из груди. Отец тихо вскрикнул, и глаза его невидяще уставились в небо.

Клык.

У меня внутри все сжалось, в глазах помутилось – безжизненное тело отца упало наземь, а его блестящее сердце осталось в руке багрового дозорного – кровавого короля.

Восторженные крики и вой разорвали воздух, пронзили меня, забывшую, как дышать, насквозь, а король – *Клык* – поднес сердце отца ко рту и впился в него зубами.

Теми же, которыми всего пару часов назад покусывал мои губы.

Отцовская кровь смешалась с его собственной и потекла по подбородку, король воздел руку с мертвым сердцем к ночному небу, и все вокруг затопили громогласные злобные вопли его братии.

Тем немногим нашим солдатам, что пока еще были живы, помочь было уже нельзя. Это я понимала.

Поэтому, когда отцовское сердце упало в траву рядом с его бездыханным телом, я попятилась, скользнула обратно во тьму, дабы отправиться на поиски спасительного света, что развеет этот извращенный кошмар.

Он лгал.

Все это время я встречалась не со своенравным воином из вражеского королевства. Не Клык у я шептала на ухо заветные слова. *О звезды*, его ведь и звали вовсе не Клыком.

У монстра из Вордана было множество имен.

Кровавый властитель. Король волков. Король Дейд.

А я – треклятая дура.

Не успела я добраться до амбара или остова усадьбы, как ощутила на спине чей-то взгляд. Выгнув шею, я оглянулась: король стоял у забора там, где только что стояла я – именно там, откуда я наблюдала за тем, как он убивает моего отца. Лицо его было в крови, плащ реял на ветру, синие глаза превратились в бездну, в которую мне больше не хотелось погружаться.

Он не знал. Ему неоткуда было знать, что это я.

Он видел лишь крупного черного лебедя.

Поэтому я отвернулась и полетела в лесную гущу, надеясь, что та укроет меня, что крылья донесут меня до дома, несмотря на камень на сердце, тянувший к земле.

Знай он, что это я, непременно пустился бы в погоню – но нет, я улетела оттуда одна.

5

Дни сменялись медленно, один за другим – как семена растений, что опадают в почву.

Тело отца в конце концов было возвращено и, словно огромное семя, предано земле позади замка под вишневым деревом рядом с моим братом. У подножия вишни распустились ослепительно-белые цветы – ковер их простерся до самых наших ног, словно небосклон с сотнями крошечных звезд.

Мать плакала рядом со мной, но с глаз ее не упало ни слезинки.

Наверное, это худший вид душевной боли – когда невыносимо настолько, что слезы не идут и горе отказывается покидать твое тело. Ибо если оно выйдет наружу, внутри не останется ничего. Ничего.

Потерять того, кого любишь; ни больше ни меньше, а свою половинку...

И это была моя вина.

Я ничего ей не рассказала. Я сомневалась, что вообще когда-либо смогу рассказать, как меня обманули, какой дурой я оказалась. Как проводила время с врагом, не зная – не подзревая, – кто он на самом деле.

Он – наша погибель.

Посмотри на меня, пчелка.

Я запретила себе лить слезы. Но не по той же причине, что и мать. Я не решалась скорбеть по отцу, поскольку этого не заслуживала.

* * *

От нашей армии остались жалкие крупички, и страх заполнил коридоры замка, будто раньше времени пришла зима.

Некому было сплачивать народ, разрабатывать стратегию укрепления наших границ и призывать новобранцев, будь то фермеры, торговцы или кто-то еще. Безмолвие, царившее в замке, стало до того удушливым, что я задавалась вопросом, не убьет ли оно всех нас раньше, чем король Дейд.

Эльн получил серьезное ранение, и следить за порядком в городе и королевстве, которые утопали в панике, выпало двум армейским командирам. Из поверженного отцовского отряда в живых остались только капитан и пара солдат.

– Принцесса. – Эдван, прислужник и ближайший друг матери, поклонился, когда я подошла к лестнице, что вела к королевским покоям.

Я избегала встреч с матерью. Что было несложно, поскольку она отказывалась покидать опочивальню. Но я наконец набралась смелости, дабы провести ее.

Некогда смуглое лицо Эдвана побледнело и осунулось, щеки запали, остроконечные уши сильно выделялись на фо-

не лысины. Я показала на поднос с чашкой бульона и краюхой хлеба, который подрагивал у него руках.

– Она так и не ест?

– Увы, нет, моя принцесса, – пробормотал он, губы его побелели от волнения. – Вот уже четыре дня.

Я закрыла глаза.

– Но хотя бы пьет?

Эдван кивнул:

– Пьет, но мало, и в основном вино.

Мы, фейри, жили тысячи лет, но, подобно людям, вполне могли умереть от истощения. Умирание в нашем случае затянулось бы, но кончина была неминуема, если наши тела не получали подпитки.

– Спасибо, Эдван. Сделаю, что смогу.

Слезы благодарности подступили к его фиолетовым глазам, он поклонился мне еще раз и скрылся за углом.

Дверь в материнские покои открылась передо мной сама, и я вошла в сумрачную душную комнату. Лимонная роза была любимым ароматом матери, и теперь он угасал вместе с ней – в комнате горько пахло прелой листвой.

Мать полулежала на россыпи подушек, устремив взгляд на колышущиеся шторы. Я поставила поднос на прикроватный столик.

– Мама, давай уже, еда ведь портится.

Болезненно сглотнув, она пошевелилась.

– Я не голодна.

– Я знаю, – сказала я, перелезла через ее ноги и улеглась на место отца. Подушка источала его запах: лайм и дубленая кожа. Сердце у меня заколотилось, голос дрогнул от чувства вины. – Я тоже – так что, может, вместе поголодаем?

И тогда она снова стала собой – Никайя, королева Синшелла. Жгучий взгляд горячее солнца.

– Даже не думай.

– Если не будешь есть, я тоже не буду – так и знай. – Я стиснула ее прохладную ладонь. – Ты должна поесть. – Ее ресницы дрогнули, она сглотнула, и я взмолилась: – Ну не могу я и тебя лишиться.

Мать посмотрела на меня золотистыми глазами, очень похожими на мои, и я испугалась, что она разглядит, прочтет вину по моим глазам и голосу.

Даже если что-то и заметила, она не подала вида и вяло сжала мою руку в ответ.

– Пчелка, – прошептала она – неуместное обращение к дочери, что разбила ей сердце. – Однажды ты поймешь, каково это – чувствовать, как душа покидает твое тело, и пытаться перебороть инстинкт, который велит жизненной силе последовать за ней. – Облизнув сухие губы, мать еле слышно добавила: – Однажды ты узнаешь, каково это – обрести, а затем потерять свою истинную половинку. – Ее холодные пальцы ласково коснулись моей щеки. – Я бы скорее пожелала тебе умереть, чем испытать подобное, пчелка.

Не зная, что на такое ответить – мне лишь хотелось, что-

бы она не закрывалась, чтобы слушала меня и не умолкала сама, – я сказала:

– Боюсь, что умру я раньше, чем успею даже задуматься о поиске половинки.

Она улыбнулась – горько, с тоской во взгляде.

– Половинку невозможно найти, – твердо сказала она. В ее голосе слышалась печаль, но он зазвенел. – Ее приведут к тебе звезды.

Я не раз слышала историю о том, как они с отцом обрели друг друга. Когда маме исполнилось пятьдесят лет, ее отец заявил, что ей пора расстаться со своей пассией и остепениться, и для нее устроили брак с одним из выбранных моим дедом ухажеров.

За две ночи до свадьбы, когда в город начал прибывать народ со всех уголков Синшелла, мама познакомилась с моим отцом – сыном фермера, жившим на окраине леса, у границы между Эррином и Синшеллом. Он был воином, но не по собственной воле, а потому что земли и скот, принадлежавшие его семье, нуждались в охране. Его мать настояла, чтобы он посетил королевскую свадьбу, поскольку пропустить такое событие было немислимо.

Мама, которая на тот момент, разумеется, была влюблена – но вовсе не в своего нареченного, хоть они и дружили, – улизнула из замка, чтобы выпить кружечку эля в городском трактире. Забившись в дальний угол заведения, она горевала над своей участью и наблюдала за тем, как фейри всех мастей

напиваются, танцуют, играют на деньги и метають дробтики.

Отец говорил, что почувал ее еще до того, как вошел туда. Не привыкший сидеть без дела, с наступлением ночи он решил побродить по городу. Из любопытства зашел в трактир, и его притянуло к ней, как мотылька к огню. Спустя несколько часов свадьбу отменили, а родные отца принялись ломать головы, как бы перевезти свое хозяйство поближе к сердцу Синшелла.

Побороть тягу к половинке невозможно, как-то сказал мне отец. Несмотря на досаду из-за впустую потраченных денег и времени, дед принял его в семью, но приказал разгрести последствия этого безобразия.

И отец с готовностью это сделал: женился на матери – вместо Эльна.

Это была волшебная сказка – подобная тем, что обожают слагать и рассказывать в человечесьем королевстве.

Но, как это нередко случается, не у всех волшебных сказок хороший конец.

– В наших краях тебе половинку не найти. – Она изрекла это мрачное предсказание и закашлялась, а я недоуменно свела брови. – Принц написал нам. – Она поймала мой локон и пропустила между пальцами. А потом небрежно добавила: – Он предлагает тебе из соображений безопасности пожить у них, пока они обдумывают возможность вашей свадьбы.

– Что? – воскликнула я.

Свадьба. Я не думала, что от меня все еще ждут... Я была уверена, что лишила себя последнего шанса заключить подобный союз, когда починила плащ принца золотой нитью, и он сбежал домой.

Мать не удивилась – только печально улыбнулась и вздохнула:

– В какие только игры нас не вынуждают играть.

– Мама, я не могу...

– Ты выезжаешь послезавтра на рассвете. – Она заткнула локон мне за ухо – ее ладонь стала заметно теплее. – Поживешь под их защитой. Нам нужно, чтобы ты уцелела. Сейчас это важнее всего.

Я прикрыла глаза. Мне хотелось возразить, хотелось накричать на нее – чтобы поднялась, чтобы помогла мне все исправить. Но именно этим мама и занималась, и принц был нашей единственной надеждой на спасение.

Она знала, что иначе никак.

– Не знаю, как со всем этим справлюсь, – сказала я, проглотив комок в горле. – Но постараюсь, хотя кровавый властитель...

– Он еще вернется сюда, поэтому о твоём отъезде никто не знает. Только ты. – Ее колючий взгляд уперся в меня, в нем читался приказ. – И я.

Мне предстоит отправиться туда одной. Перекинуться и полететь.

Я кивнула и взяла ее за руку.

– Я сделаю это ради тебя, но ты должна поесть. – Она закатила глаза. – Мама, – сказала я уже мягче. – Если у меня никого не останется, что помешает мне улететь не в Эррин, а за моря?

Я думала, что услышу выговор, напоминание о *долге*. Но ни того, ни другого не последовало.

Несколько секунд она смотрела на меня невидящим взором – такого прежде не случалось, – а затем поднесла мою руку к губам.

– Именно так тебе и стоило бы поступить, пчелка. Улететь и не возвращаться.

Мы обе знали, что я так не поступлю, поэтому она села повыше, а я принялась кормить ее кусочками хлеба, обмакивая их в бульон.

6

Я летела вдоль Полинфских гор, которые молчаливо наблюдали за моим одиноким путешествием на восток.

Их пики, устремленные в облака, закрывали мне вид на грозные утесы, что вздымались над Ночным морем.

Попасть в истерзанную войной половину Нодойи корабли могли только через Королевскую бухту, где в засаде часто поджидали багровые головорезы, отправленные туда их властителем.

У меня это впервые.

Трудно было поверить – а это, разумеется, была ложь, – что король волков, этот монстр с запада, ни разу не отважился поцеловать кого-либо до меня. По слухам, ему было тридцать четыре года, двадцать пять из них он упражнялся с мечом и наводил ужас на окружающих, и своими когтистыми лапами мог разорвать человека пополам.

В постели короля-тирана наверняка побывали сотни любовниц.

Я отмахнулась от этой навязчивой мысли, от внезапно нахлынувшей вместе с ней нежеланной злости и от воспоминаний о том, как его нежные губы касались моих.

Он заплатит за все. Так или иначе, но заплатит – даже если для этого мне придется пожертвовать собственной жизнью.

Что было абсолютно неизбежно.

Летя над деревьями, подгорьем и тихой сельской тропкой, которую пересекал лишь заросший кустами Солёный ручей, я затолкала поглубже идею о мести и чувство вины.

К счастью, вчера мать поднялась с постели и вышла из опочивальни. Уж не знаю почему – для того, чтобы унять мои тревоги, или потому что королевство нуждалось в королеве. Я лишь порадовалась, что это все-таки произошло. Теперь же, летя над разграничивавшими Эррин и Синшелл лесами, что тянулись вдаль на многие мили от гор слева от меня к ущелью, переходившему в реку, справа, я пыталась придумать отговорку для человеческих правителей.

Как объяснить, почему я прибыла одна?

Я из народа фейри – вероятно, этого им будет достаточно. Впрочем, большинство людей, в особенности король и королева, этим объяснением не удовлетворятся.

Некоторые из нас были способны молниеносно перемещаться с места на место, но я пока не знала, обладаю ли этим даром сама. Обычно он проявлялся у золотой и багровой знати – чаще всего у самых влиятельных лиц. Можно подумать, бестиям Вордана и без того недостает могущества.

Я начала проникаться сочувствием к деду, что возглавил наступление, вознамерившись избавить Нодойю от родителей короля Дейда. Ныне уже любому было ясно как день, какую угрозу они представляли бы для нашего материка.

Смертельную угрозу, которая с рождением их сына превратилась в реальность.

Вскоре густые зеленые леса остались позади – их сменили степи и песчаные дюны, которые рябым покрывалом стелились до самой Королевской бухты. На юго-востоке Нодойи высился замок Эррин – твердыня из камня и дерева, что под лучами полуденного солнца отливала бронзой и медью. От замка до самой Королевской бухты тянулся город Эррин – пестрая россыпь домиков, сложенных из песчаника и кирпичей, и сидели они так плотно, что для крупных улиц там вовсе не осталось места.

В таком королевстве легко затеряться.

Я задвинула эту идею в дальний угол разума, где хранились мрачные мысли, которым мне не хотелось предаваться – да и не до них сейчас было. Позже. Может быть, через несколько лет я найду время, чтобы достать из кладовой ума те болезненно пульсирующие в голове думы, в такт которым билось мое сердце. Когда у нас будет время осмыслить все произошедшее и договориться, что подобного мы больше не допустим.

Представить, что однажды такое случится, я пока не могла. Сейчас, несмотря на красоту песчаных просторов подо мной и волн, накатывавших на утесы и бухту, мне виделись только войны, кровь и смерть.

Проселочные дороги – немногим более, чем просто пыльные тропинки, окаймленные колючими кустарниками и кактусами, – сбегали к искристому городу, и я забрала влево, подальше от них, в сторону замка, который прятался за огром-

ной каменной стеной.

Пара стражников вскинули головы, но большинство не обратило на меня внимания, и я, дождавшись, когда отвернутся все, тихо спланировала вниз, к фонтану посреди двора замка. Любой, кто посмотрел бы на меня в тот миг, увидел бы лишь черного лебедя в брызгах воды, что стоит на каменном парапете и вертит изогнутой шеей.

Посмотрев вверх, я уперлась взглядом в глаза мраморной статуи с обнаженным естеством и пикой в руке – то был один из богов, которым поклонялись люди.

– Черный лебедь, – раздался чей-то голос у меня за спиной. – Смотри, Жоржетта, видишь его?

Проклятье.

– Ого, – сказала, по всей видимости, Жоржетта. – Помому, я несколько лет вообще лебедей не видела, не говоря уже о черных.

– Думаешь, это дурной знак? – спросила ее товарка.

В эту секунду я, не удержавшись, посмотрела на них в упор, отчего обе женщины с корзинами хлеба и фруктов взвизгнули. И поспешили прочь от фонтана в сторону одной из прилегающих к дворику городских улиц.

Дурной знак. Смешно. Я огляделась, проверяя, нет ли рядом прочих свидетелей, перекинулась и принялась разминать затекшие руки и ноги. Что ж, правы были родители, страшившиеся моего проклятия, или нет, покажет время, а мне сейчас не до того.

Изо рта гигантской статуи в затянутый ряской фонтан извергалась вода. Выйдя из-за нее, я отступила в тень, которую отбрасывали стоявшие неподалеку кленовые деревья, и поправила юбку изумрудно-оливкового платья.

Знакомая со вкусами людей, я надела самое скромное из тех, что у меня были: глухое, с закрытыми плечами и шнуровкой во всю спину. Лиф сдавливал мне грудь, хотя, возможно, дело было в том, что по мере приближения к замку от волнения у меня сперло дыхание.

Мимо проехала запряженная лошадьми телега, в которой сидели солдаты с пустыми корзинами, а я запрокинула голову: стена, окружавшая замок, была так высока, что у меня заболела шея.

Много раз мне рассказывали об этих местах, но я не вслушивалась в те рассказы – куда больше меня занимали собственные капризы, невинность, за которую я слишком цеплялась. В сторожевых башнях, откуда открывался вид на многие мили вокруг, стояли дозорные – их бронзовые и серебряные доспехи блестели на солнце.

– Стоять, – приказал женский голос, когда я выступила из-под сени деревьев и направилась ко двору. – Чего тебе здесь надо?

Ну, была не была.

– Я – Опал, – произнесла я. Мое имя прозвучало странно. Почти как слово на чужом языке. – Я – принцесса Опал из рода Грейсудов, прибыла сюда по приглашению королев-

ской семьи.

Повисла напряженная тишина, отчего у меня сильно забилось сердце, а затем передо мной открылись серебряные ворота – не большие для повозок и лошадей, а узкие, для пешеходов.

Пятеро стражников в доспехах и шлемах преградили мне путь, пристально посмотрели на меня и переглянулись.

– Это она, – сказал один из них, металлический шлем приглушал его слова. – Я ее уже видел.

Я смотрела на него, гадая, не лжет ли он, но в конце концов решила, что это не важно – главное, чтобы меня пропустили туда, куда надо.

– Уведомьте семью, – сказала воительница и жестом велела мне следовать за двумя стражниками, которые торопливо повели нас внутрь.

В следующем дворике с фонтанами, журчание которых нарушало тягостную тишину, нам снова пришлось остановиться и подождать, пока стражники сменят друг друга и изучат меня. Вдоль дорожек, что вели к резным дверям замка и огибали его, цвели пышные кусты роз всех мыслимых оттенков, а чуть менее пышные росли вдоль тропинок, пролегавших вдоль живой изгороди.

– Прошу, – угрюмо сказал стражник и повел рукой в сторону открытых арочных дверей, словно я была бродячим животным, до которого он брезговал дотронуться.

На вымощенный рыжей плиткой пол легла чья-то тень.

В дверном проеме возник принц – он широко улыбнулся, приветственно раскинул руки и, сбежав по трем полукруглым ступеням, чмокнул воздух у моих щек.

– Добро пожаловать, принцесса. – Отстранившись, Брон обвел взглядом двор, и его улыбка чуть потускнела. – А где ваша свита?

– Уже пустилась в обратный путь, – ответила я, дивясь тому, как складно прозвучала эта ложь.

Принц кивнул, переглянулся со стражниками, что стояли у меня за спиной, и зашагал вперед. Я торопливо последовала за ним, скорее встревоженная, чем довольная тем, как спокойно он воспринял то, что я прибыла одна.

– Соболезную, – сказал Брон, когда мы вошли в холл, выстеленный мягким рыжим ковром. С обеих сторон стены были увешаны портретами его предков. – Насчет вашего отца. Он был хорошим... человеком. – Вообще-то он был не человеком, а влиятельным мужчиной с большим сердцем.

За нами с грохотом захлопнулись двери, и я, испугавшись резкого звука, забыла указать принцу на его ошибку. Огонь в настенных рожках дрогнул, затем вспыхнул с новой силой.

– Благодарю.

– Желаете чего-нибудь выпить или подкрепиться? – спросил принц. До чего ничтожным, до чего невзрачным казался он мне теперь – здесь, после всего случившегося. После того, как он уехал, не попрощавшись, и вынудил меня думать о худшем. После того, как мой отец благополучно сопроводил

дил Брона и его людей назад.

После того, как мой отец пал, возвращаясь домой.

Я помотала головой и переплела дрожащие пальцы – на большее меня не хватило.

Кашлянув, Брон спрятал руки в карманах темно-коричневых брюк.

– Родителям уже сообщили. Наверное, они уже ждут нас в тронном зале.

– Стало быть, они в курсе, – опасливо предположила я, пока мы шли по коридорам мрачного чужого замка, – что мы собираемся пожениться?

Он снова кашлянул и сбился с шага, что отвлекло меня от разглядывания лестницы – ее деревянные пролеты, выставленные все тем же рыжим ковром, зигзагами поднимались на много этажей вверх.

– Обсудим это позже.

Вкрадчивый тон, напряженная осанка – у меня голова пошла кругом. Было ясно, что вредить мне они не собираются – иначе уже давно бы это сделали. Никто и пальцем ко мне не притронулся – с их стороны это было бы глупо.

Да, Синшелл в разлуке, но человеческому королевству пригодится любая помощь, если они хотят устоять перед натиском кровавого властителя.

В тронном зале было пусто – только пара тронов стояла на деревянном помосте высотой в две ступени. Когда лакированные двери открылись, я увидела, что король и короле-

ва уже на своих местах – они о чем-то тихо спорили, но, заметив нас, умолкли.

И, натянуто улыбнувшись, встали. У матери Брона, Сабрины, вокруг глаз и рта залегли морщинки, но она все еще была красива. Его отец, тучный и рыжеволосый, разгладил седеющие усы, затем отер руку о свое рыже-коричневое облатение.

– Добро пожаловать, принцесса Опал.

– Мы соболезуем гибели вашего отца. Нам горько сознавать, что пересиди наш сын эти тяжелые времена дома, ваш папа, вероятно, остался бы жив.

Брон потупился, и пока я лихорадочно придумывала, что бы на это ответить, Сабрина бросила мимолетний взгляд на мужа – ее каштановые кудри соскользнули с плеча.

– Благодарю, – все-таки нашлась я, а к глазам подступили холодные слезы. – Нам его очень не хватает.

Слова королевы говорили скорее о нежелании подпускать сына к нам, чем о чувстве вины за то, что они за ним не усмотрели. Но с очередной волной бесполезных допущений мое горе только усилилось.

– Мы отвели для вас покой, – кашлянув, сказал король и тем самым выдернул меня из пучины унылых мыслей. – Надеюсь, вам там понравится. – Жена снова бросила на него косой взгляд, и он торопливо добавил: – О, и, разумеется, мы позаботимся о том, чтобы вы чувствовали себя здесь в полной безопасности.

– Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, но я не могу не спросить: каковы ваши планы насчет бракосо...

– Дитя. – Сабрина вздохнула, скорее утомленно, чем с сочувствием. – Могу я быть честна?

Я – не дитя. О чем она прекрасно знала. Но выбора у меня не было, и я кивнула:

– Да, конечно.

Сойдя с помоста, королева подошла ко мне – за ней волочился подол ее небесно-голубого платья, сплошь рюши и кружева. Затянутой в шелковую перчатку рукой она взяла меня под локоть:

– Я провожу тебя в твои покои, и мы побеседуем по пути.

Мы вышли из огромных дверей, прежде чем я сообразила, что надо бы попрощаться с королем и принцем, и зашагали вверх по лестнице, мимо которой я прошла, когда меня вели в зал.

Я на ходу разглядывала узорчатые рожки с пляшущим в них огнем и портреты, висевшие на обитых деревом стенах попеременно с бронзовыми и серебристыми гобеленами. Всю дорогу Сабрина вела меня под руку и вопреки моим ожиданиям не проронила ни слова, пока мы не достигли верхней лестничной площадки.

Четыре крутых лестничных пролета и короткий холл привели нас к массивной деревянной двери, которую королева, наконец отцепившись от меня, открыла с большим трудом. Я могла бы сделать это с помощью одной лишь мысли, но ре-

шила, что ей вряд ли понравится лишнее доказательство того, насколько мы разные.

Засопев от натуги, – аж кудри разлетелись, – Сабрина все-таки распахнула дверь и жестом пригласила меня войти первой. Я неторопливо шагнула внутрь и поняла, что нахожусь в одной из квадратных башен, которые видела, когда подлетала к городу – вероятно, в самой низкой из них, с учетом длины лестницы и размера комнаты.

Эти покои тоже были отделаны в рыжих, бронзовых и золотистых тонах. Посередине комнаты стояла кровать, накрытая узорчатым багряным покрывалом. По обе стороны от нее высились деревянные тумбы, на которых стояли лампы из блестящего рыжеватого металла – зажечь их никто не удосужился.

Ржавые оттенки всколыхнули во мне мрачные мысли.

– Ванная комната прямо за этой дверью, – сказала Сабрина, постучав по косяку, и выдернула меня из мысленного водоворота. – Служанки уже подготовили там все необходимое... – Она окинула взглядом мой наряд, отметила отсутствие багажа. – Я велю им принести еще платьев и ночных сорочек.

Я кивнула, пробормотала «спасибо» и огляделась: голые стены, у одинокого арочного окна – большой золотистый сундук.

– Какой красивый, – сказала я – не молчать же! – и подошла поближе, чтобы рассмотреть резные узоры, которым тот

был украшен. Над сундуком явно потрудился мастер. Маленькие золотистые создания, белки и кролики, резвились среди золотистых деревьев. Вне всяких сомнений, это была работа резчика из Синшелла.

– Внутри сундука тебя ждет первая порция вещей для работы.

Я отшатнулась от сундука. И резко обернулась – королева стояла с гордым видом, сложив на груди руки.

– Для работы?

Ее губы чуть изогнулись в улыбке, она вздохнула:

– Дорогая моя, неужели ты думаешь, что мы дали бы приют принцессе-фейри, не будь от нее пользы? Ты ведь уже не так юна, чтобы удивляться тонкостям политических решений.

Щеки вспыхнули, хотя я молила себя не краснеть.

– Что я должна делать? – Наверное, чинить одежду, рисовать картины или ваять керамику.

С королевской улыбки слетела пелена притворства, она стала угрожающей, и до меня внезапно дошло.

– Сын сообщил нам о том, что ты способна вить золото.

Из меня будто воздух вытравили.

– Я... я не... – начала было я. – Я не могу просто...

– Избавь меня от отговорок, принцесса. – Королева подошла к сундуку и открыла его – внутри лежала гора одежды. Я попятилась к кровати. – Наша армия истощена. Да, пока есть отряды, которые нас охраняют, но их мощи не хватит,

когда беда явится к нам на порог. А она непременно явится. – Сабрина приосанилась, спокойная и непоколебимая. – Нам нужно больше солдат, а значит, больше денег, наша казна пустеет с каждым месяцем, с каждым кораблем, которому приходится разворачиваться у наших берегов, поскольку торговать с нами – огромный риск.

– Вы... Полагаю, вы кое-чего не понимаете, – сказала я, хотя ее объяснение было вполне логичным. – Я не могу вить золото *по команде*. Честное слово, это удавалось-то мне всего пару раз. И оба раза – по чистой случайности.

Королева кивнула и, поджав губы, опустила взгляд. Когда она вновь посмотрела на меня и заговорила, голос ее звучал тихо, предостерегающе.

– Тогда я советую вспомнить, как тебе это удалось, и проделать снова. – Я заморгала, глаза защипало от подступивших слез, которые, впрочем, так и не пролились. – И проделать это множество раз, и если ты докажешь, что от тебя есть толк, – она повела костлявым плечом, – вот *тогда* мы и обсудим бракосочетание.

Она развернулась к двери, и я бросилась за ней следом.

– Нет, прошу вас. Пойдите.

Дверь захлопнулась у меня перед носом, запоры щелкнули с другой стороны – я не успела даже схватиться за ручку.

– Не пытайся сбежать. Тебя поймают еще до того, как ты достигнешь стен замка.

Я рухнула на пол возле двери, ужас, словно кол, медленно

вошел в мое сердце.

– О, и никаких этих ваших чар. Кроме тех, разумеется, – она тихо усмехнулась, и в этой усмешке зазвенела угроза, – которые нужны, чтобы обеспечивать нас золотом.

Ее шаги по лестнице заглушила моя паника – я задыхалась. Болезненно сглотнув, я оглядела свою комнату. Свой новый дом.

Свою тюрьму.

Закатный свет расплескался по деревянному полу, но вскоре его сменили растущие тени.

Ни лампы на тумбах, ни золотистые рожки на стенах я зажигать не стала.

Я сидела на кровати и разглядывала красивый сундук, пытаясь понять, как за такой короткий срок превратилась в узницу и убийцу. К тому моменту, когда в небо поднялся лунный серп, я пришла к выводу, что такой исход совершенно справедлив, и, вероятно, именно здесь мне и суждено провести свои последние дни.

В багряно-золотой клетке.

Сундук под небольшим арочным окном словно глумился надо мной, своим видом напоминая об обещаниях, сдержать которые я вряд ли могла – равно как и избежать их выполнения. Даже если я смогу призвать силы, чтобы сделать что велено, и вплести золотые нити в одежды, меня все равно отсюда не выпустят.

Мать могла бы послать за мной, но для этого требовалось войско, которого у нас больше не было, а немногим уцелевшим солдатам надлежало защищать наше королевство.

Когда комнату окутал мрак, ко мне, постучавшись, вошла служанка с подносом – тот ходил ходуном у нее в руках. Бледная как полотно девушка пролепетала:

– П-принцесса, здесь ужасно темно.

Не успела она и вздохнуть, как в настенных рожках затанцевало яркое пламя – оно отразилось в ее испуганных голубых глазах. Возможно, чары не помогут мне выбраться отсюда, но пользовалась я ими так же часто, как руками и ногами. Они были частью моей сущности, привычной и жизненно важной как дыхание.

– Поставь поднос на сундук, – процедила я. – Благодарю.

Она повиновалась и мигом выскочила из комнаты, словно пообедать я собиралась ею.

Есть я не стала, но открыла окно над тарелкой с рыбным рагу, а сама плюхнулась на кровать и уставилась в ночное небо.

Звезды все так же мерцали, луна все так же сияла, но у меня возникло чувство, будто и они там, в вышине, насмеются надо мной – над глупой золотой принцессой, что купилась на уловки врага и навлекла на всех беду.

Утром ко мне явился гость. Открылась дверь, и тут же я распахнула глаза: едва различимый скрип петель и знакомый запах сообщили мне о приходе принца.

– Опал, – прошептал Брон, словно боялся разбудить меня, хоть и увидел, что я на него смотрю. Закрыв за собой дверь, он прислонился к ней и потер лицо. – Не знаю, что сказать – могу лишь попросить прощения.

– Ты знал? – спросила я и, сев в постели, откинула волосы с лица. – Ты все это время знал, каковы их планы на мой

счет?

Теребя край рубашки, он с опаской шагнул вперед – начищенные сапоги ступили на мягкий рыжий ковер.

– Опал, у тебя есть невероятный дар. Тот, что поможет нам отразить этот кошмар...

– Мама очень рассердится, – тихо кипя от гнева, сказала я.

Принц уловил защиту в моих словах угрозу и, нервно сглотнув, кивнул.

– Я понимаю, правда, – примирительным тоном сказал он. Я зло взглянула на него и подтянула ноги к себе, поскольку он подошел к кровати и отважился сесть рядом со мной. – Мы поженимся, ладно? И вернем Нодойе ее бывшее величие, но для этого нам нужна твоя помощь.

– Согласие на брак с тобой – уже достаточная помощь, – не задумываясь, брякнула я и поразилась собственному высокомерию. – Но вы, людишки, никогда не довольствуетесь тем, что у вас уже есть.

Его губы сложились в лукавую улыбку, но темных глаз, которые он не сводил с меня, эта улыбка не коснулась.

– Это так, но поверь мне, если бы я считал, что тебе грозит хоть малейшая опасность, ни за что на это не согласился бы.

– Лжец, – прошипела я, встала и сбросила поднос с сундука. Посуда звякнула, а я распахнула деревянную крышку, открыв его взору тряпичное разноцветье. – Ты бы согласился в любом случае, потому что ты не король. Ты – принц, и у тебя нет большого выбора.

У него на лице заходили желваки, он стиснул зубы.

Я присела, вынула из сундука плащ с бархатным подбоем и расстелила его на полу.

– Уходи, мне тут, судя по всему, нужно сотворить чудо.

– Ты ведь уже занималась подобным, – сказал Брон с фальшивым скрипучим смешком. – Неужели не можешь просто сделать то же самое?

– Будь это так легко, на смену этим тряпкам уже принесли бы другие, да ведь? – Я знала, что нужно следить за тоном и выбирать выражения, но поступала так всю свою жизнь, и в конечном счете ни к чему хорошему это не привело.

Ни меня, ни тех, кого я любила.

– У тебя все получится. Я в этом уверен. Я видел это собственными глазами. – Принц встал. – А потом, клянусь тебе, Опал, мы им отомстим.

Отомстим.

Никогда прежде это слово не звучало так маняще, ни разу не отдавалось оно в моем сердце так сильно, так оглушительно. Отмщения я хотела больше всего на свете – нуждалась в нем. Я устала на мятую ткань.

– Мы погибнем, не достигнув цели.

Шаги Брона замерли на полпути к двери.

– Но попробовать все же стоит. – Принц помедлил, а затем пробормotal: – Я загляну завтра, ты не против?

Я промолчала, ибо поняла: он намекает, что тянуть время, оплакивая свою судьбу, больше нельзя.

Когда дверь закрылась и наружные запоры щелкнули, я приказала вскипевшей крови успокоиться – мне нужно было сосредоточиться.

Ничего иного не оставалось. Меня не выпустят из замка живой, пока я не дам им то, чего они хотят, и даже в таком случае мой шанс снова обрести свободу крайне мал. Однако других вариантов у меня не было, и хотя я уже устала – о, звезды, как же я устала! – делать то, что велено, урок я усвоила: повинуюсь собственным желанием, я обрекаю на печальную участь многих других.

Часы текли, солнце ползло к горизонту, а я так и сидела перед тем расстеленным на полу плащом. Хотелось плакать, но слезы не шли. Только вызывали головную боль, которую я пыталась пустить в дело, дабы выполнить свое невыполнимое задание.

Единственное, что мне удалось сделать к наступлению ночи, это распустить старый шов, и теперь разлохматившиеся края ткани ждали, когда я приметаю их обратно – уже с помощью золотой нити.

Я ощупала ткань и провела руками над каждым дюймом того плаща, затем попыталась вложить всю свою душу в следующую вещь – тунику из тонкого хлопка.

То ли сопротивлялась ткань, то ли чего-то не хватало, но что-то было не так, и я не могла понять, в чем же дело. Я пыталась вспомнить, как это происходило прежде, в те немногие разы, когда из-под пальцев моих выходила золотая

нить.

Принесли еще один поднос с едой, а несъеденный обед унесли. Я заставила себя сделать пару глотков воды и испытала чувство вины, вспомнив, как мать пообещала мне, что постарается жить – тогда как хотелось ей лишь угаснуть и отпустить свою душу на поиски души отца.

Дверь снова закрылась – служанка, которая принесла ужин, ни разу не подняла на меня взгляда.

Я была уверена, что она обо всем докладывает королеве. Распустив швы у еще нескольких вещей из сундука, я сердито уставилась на них. Питалась неважно я и в собственном королевстве, а здесь не съела вообще ни крошки и вот теперь начала ощущать последствия такого поведения. У меня кружилась голова, невыносимо слипались глаза, я улеглась прямо на разбросанную по полу одежду и уперлась взглядом в филигранно расписанный потолок.

Что-то стукнуло по подоконнику. Я не шевельнулась. Очередная птица явилась в надежде, что я отдам ей свой нетронутый ужин.

– Солнышко, что, во имя всех треклятых звезд, ты делаешь в этом гнилом местечке?

8

Незванный гость примостился на подоконнике, свесив одну ногу вниз, и склонил голову вбок.

– Я тебя по всем лесам и долам разыскивал.

Это оказалась не птица. А жаль.

Это был волк.

– Ну? – Его глаза сверкнули из-под капюшона плаща, он быстро окинул меня оценивающим взглядом. – Тебе тут язык отрезали? Надеюсь, что нет. – Он ухмыльнулся: – Твой язычок мне нравится.

– Ты, – выдохнула я. Мое сердце наконец вспомнило, как биться.

Ухмылка расплылась в широкую улыбку:

– Я.

Я неловко отползла назад – руки поскальзывались на шелке и тонком муслине.

– Нет.

Выгнув бровь, чужак озадаченно посмотрел на меня со своего насеста.

– Нет? – Он нагнулся вперед, его плащ притягивал сияние звезд. – Что «нет»?

– Ты... это *он*, и ты убил его.

Тихий смешок слетел с его коварных губ, глаза блеснули.

– Солнышко, лопочешь ты забавно, но я не понимаю,

о чем речь.

– Мой отец. – Я поднялась на колени, юбка сбилась комками вокруг ног. – Ты убил его, – горя ненавистью, процедила я сквозь зубы, – и съел его сердце.

Кровавый властитель поджал губы.

– Ах, ты об этом.

На комнату, как петля на шею висельника, опустилась гнетущая тишина, и у меня в горле застыл крик о помощи – призыв к стражникам у подножия лестницы: враг проник в их дом. И он может меня убить.

– Так это *и правда* была ты, – вкрадчиво, очень вкрадчиво произнес оборотень, а я заскрипела зубами – живот подвело от голода. – Черная лебедь.

– Какая еще лебедь?

– Брось. – Махнув в мою сторону рукой, он добавил: – Мы оба знаем, что это была ты.

Я набрала было воздух, чтобы позвать на помощь, но король поцокал языком.

– Я бы на твоём месте воздержался. Ты ведь не хочешь, чтобы по твоей вине погиб еще кто-то?

Я болезненно сглотнула и зажмурилась.

– Впрочем, то была не твоя вина. Тебя ведь оберегали, хранили в пузыре невинности – готов поклясться, что единственной твоей обязанностью в жизни было... – Он притворно задумался. – Наверное, хранить себя для рождения потомства? – Я ничего не ответила, и король хмыкнул, полу-

чив подтверждение, в котором не нуждался. – Как я уже сказал, даже не будь ты наивна, откуда тебе было знать, кто я?

Я не могла понять – он пытается облегчить чувство вины, которым придавливало меня с каждым вдохом, или раздуть его, чтобы оно разбушевалось как лесной пожар?

– Те, что видят меня по ту сторону границы, редко остаются в живых, так что секрет мой раскрыть тебе было некому.

– Зачем? – Беспольный, глупый вопрос, который не стоило бы задавать.

– Зачем что? – Черное облачение короля переливалось в свете звезд, ночной бриз, обогнув его, влетел в комнату и поцеловал меня в горящее лицо. – Зачем я обманул тебя? Это ж вроде очевидно. – В этих словах было столько сарказма, что мне захотелось выбить его кулаками, чтобы король-наглец взмолился о пощаде. – Зачем я поцеловал тебя? Что ж, дорогая моя племенная лошадка, к сему моменту должно быть вполне очевидно и то...

– *Хватит.* Зачем ты его убил?

– А ты грубиянка. Тебе об этом говорили? – Он задумался, провел языком по верхней губе, а я опустила взгляд на свои дрожащие руки. – Возможно, тебя избаловали в твоём миленьком королевстве. Хорошие манеры, моя черная лебедушка, это не пережиток прошлого и не варварство. Это часть нашего наследия и часть нашего существа.

Я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться над этой аб-

сурдной отповедью.

– Варвар здесь ты – дикарь, лишенный сердца. Где были твои сраные манеры, когда ты убивал моего отца, мой народ?

Я не стала поднимать на него глаз.

– У нас с тобой будет достаточно времени, чтобы обсудить всякое – но позже. – Слова короля прозвучали так, будто он улыбался.

Я вскинула лицо, а он тихо, чтобы не выдать своего присутствия, спустил на пол вторую ногу.

– Где остальные?

– Кто? – спросил он, выпрямившись в полный рост.

Я все сидела на полу – мне было наплевать, что в двух шагах стоит, возвышаясь надо мной, монстр.

– Твое зверье. Ты явился сюда, чтобы захватить эту страну, разве нет?

– Пока нет, солнышко. – Он преодолел расстояние между нами и присел рядом со мной. – Пока нет.

На меня хлынул его запах – запах зла, от которого мне так хотелось избавиться, и когда король поддел мой подбородок пальцем, я перехватила его руку и гневно воззрилась на него.

Он улыбнулся обезоруживающей улыбкой, с этими его ямочками – несправедливо, что такая досталась именно ему.

– Ну наконец-то.

– Не трогай меня.

– Кажется, это ты меня трогаешь.

Отпустив его руку, я отшатнулась, а он посмотрел на ко-

вер.

– Ты наряды в приступе истерики раскидала?

Я не удостоила его ответом. Вместо этого я встала и направилась к двери. Он моментально оказался рядом – в секунду из тени вырос высокий плечистый мужчина и преградил мне путь.

– Хватит уже время тянуть – скажи, зачем ты здесь, – потребовал король. Я отступила и отвернулась. Он тяжело вздохнул. – Чтобы выйти замуж за человеческого жабеныша?

– Я ничем тебе не обязана, и ты никогда и *ничего* больше от меня не добьешься.

– Опал, – произнес он прямо у меня за спиной, и я вздрогнула, когда его дыхание коснулось моей шеи. – Отвечай на треклятый вопрос.

Я резко развернулась – мы оказались лицом к лицу – и бросила с яростью:

– Или что? Меня тоже убьешь?

Он прищурился:

– Если бы я этого хотел, ты была бы мертва уже несколько недель.

Это заявление потрясло меня и подтвердило то, о чем мне думать не хотелось.

– Уходи. – Голос мой дрогнул, и я осела на пол – у меня снова закружилась голова и совершенно закончились силы, чтобы с ним пререкаться, не говоря уже о том, чтобы позвать на помощь.

– Я не съел его сердце, – сказал король после тягостной паузы, все еще стоя позади меня. Его взгляд прожигал мне макушку, и я прикрыла ноги юбкой платья. – Обычно съедаю, но сердце твоего отца я выплюнул.

Я фыркнула. В груди и горле стало слишком тесно.

– Это, конечно, сильно облегчает тот факт, что я больше никогда его не увижу.

Ответить на это ему было нечего, повисло безмолвие, словно он растерялся. Король обошел меня и спросил с нервозностью в голосе:

– Что ты пытаешься сделать?

– Мне нужно заштопать это, – я подняла одно из платьев, – золотом, и я устала, поэтому будь добр... – Я перешла на шепот. Усталость возобладала над ненавистью к нему и страхом. – Просто уйди.

Он наклонился:

– Уйду, когда скажешь, почему они заставляют тебя этим заниматься.

Я не стала ему отвечать – пускай сам строит догадки.

Он не ушел. Только пристально наблюдал за моими бесплодными попытками добиться хоть чего-нибудь. И вдруг дотронулся до моей руки – я отдернула ее.

– Доверься мне, – сказал он.

Я почти рассмеялась:

– Ни за что.

Король кивнул, но все равно взял меня за руку. Я была

слишком слаба, чтобы ему сопротивляться. Он сел на пол напротив меня и сказал:

– Попробуй еще раз. – От изумления я открыла рот, и зверь широко улыбнулся. – Давай, вперед.

Нахмурившись, я попыталась снова и ахнула, когда золотая нить не только впелелась в ткань, но и принялась укладываться узорами вдоль подола и ворота платья с такой скоростью, что наряд заблестал золотом всего через несколько моих сбивчивых вдохов.

Я захлопала глазами и, переведя взгляд на короля – вид у него был задумчивый, – спросила:

– Но как?

– Твоими усилиями. Я всего лишь... помог. – Он выпустил мою руку, выдернул из-под моего бедра плащ и разложил его поверх платья. – Продолжай, – холодно потребовал король.

Не знаю, как так вышло и почему я позволила ему снова прикоснуться к себе. Я знала лишь, что у меня получается, и испытывала благодарность – не конкретно к нему, а в целом... Облегчение.

Через считанные минуты вся одежда из сундука была пронизана золотыми нитями. Король волков взглянул на меня исподлобья и хищно улыбнулся:

– Мы с тобой хорошая команда.

Это меня отрезвило. Я выдернула руку из его ласковых мозолистых пальцев и вскочила на ноги.

– Никаких «нас с тобой» нет.

Подобрав с пола одежду, я аккуратно свернула каждую вещь и оставила стопку с ними на крышке сундука. Король молча наблюдал.

– Тебе нужно поесть, – наконец сказал он. И исчез.

Принц, как и обещал, явился на следующее утро – с улыбкой до ушей.

– У тебя получилось.

Служанка, которая принесла мне завтрак, действительно доложила им, что на золотом сундуке лежит стопка готовой одежды. Чуть позже она пришла вместе с товаркой, и они забрали вещи. А я все лежала в смятой постели в том же самом платье, в котором прибыла сюда.

Теперь же, сидя в постели, я отламывала мелкие кусочки от черствой горбушки хлеба, которую принесли к завтраку, и с трудом глотала их, запивая водой. Я почти уверилась, что это был сон, проделки изнуренного горем разума, но затем одежду унесли – а ведь золотая вышивка на ней появилась благодаря призраку, занимавшему все мои мысли.

– Опал? – позвал принц, так и стоявший у открытой двери.

– Я хочу побыть одна, – наконец откликнулась я. Не желая встречаться с ним взглядом, я отвела глаза.

– Мама говорит, что тебе можно выйти из покоев и прогуляться по саду...

– Я сказала, что хочу побыть одна. – Хлеб в моих руках превратился в крошки.

Принц кашлянул:

– Как пожелаешь.

И вышел из комнаты.

Дверь закрыли и заперли, и никто больше не заглядывал ко мне до той минуты, пока я не вышла из ванной комнаты в белом атласном халате, который обнаружила на крючке рядом с полками, уставленными баночками с солью для ванн.

– Ты помылась – это хорошо. Герма уже начала переживать, что комната провоняет.

Я не стала утруждаться объяснениями, что, сколь бы несвежим ни был мой запах, их ничтожному обонянию не под силу его учуять, и принялась заплетать волосы в свободную длинную косу.

Королева сверлила меня взглядом в ожидании ответа, но я молчала.

Молчала долго и упорно – поэтому она, раздраженно засопев, повернулась к двери и махнула кому-то.

Вошли двое мужчин, каждый внес по три мешка. Все их содержимое вывалили на рыжий ковер перед опустевшим золотым сундуком. Поклонившись, мужчины с выпотрошенными мешками быстро прошмыгнули мимо королевы и исчезли в коридоре.

Сабрина показала на гору новой одежды.

– У тебя есть время до послезавтра.

У меня вырвался смешок изумления.

– Вы мне теперь еще и срок выполнения работ назначать будете? – Она сложила руки на груди и приосанилась, а я по-

качала головой: – Что будет, если я не справлюсь к означенному времени?

– Лишишься каких-нибудь удобств. – Фальшиво улыбнувшись, она развернулась к двери – к подолу ее коричнево-золотого платья пристали невыметенные хлебные крошки. – Спокойной ночи.

Я тупо посмотрела на закрывшуюся за ней дверь, затем перевела взгляд на гору будущей работы на полу, но вместо того, чтобы приступить к ней, решила доесть клецки с курицей. Блюда недоставало ароматности, любви к родной земле, с которой его готовили у меня дома, но на вкус клецки были не так уж плохи – или мне показалось, поскольку я давно как следует не ела.

После этого я отперла дверь, просто прикоснувшись к ней рукой, оставила поднос снаружи и снова заперлась. Глупая шалость, целью которой было желание выказать презрение и намекнуть служанке Герме – я надеялась, что до нее дойдет, – чтобы держалась подальше от моих комнат.

* * *

Случилось то, чего я опасалась: когда я провела руками над разложенной на кровати одеждой, ничего не изменилось.

Вообще ничего – только швы стали крепче. Такими, что не распорешь.

Я не сомневалась, что большинству людей это при-

шлось бы по нраву – но только не королю с королевой. Я сердито воззрилась на одежду, будто ту сшили с одной лишь целью – позлить меня.

– Помощь нужна?

Мой взгляд метнулся к окну. Непонятно, как ему удалось пробраться сюда так тихо и незаметно.

– Как тебя стражники не засекли?

– Я же мгновенно перемещаюсь, – пояснил он мне как ту-пице. Возможно, ею я и была, ибо такая мысль даже не приходила мне в голову. В свою защиту я могла сказать, что раздумья о кровавом властителе милосердно отступили в дальние закоулки разума – куда больше меня занимала невозможность превратить упрямые обычные швы в золотые.

Ровно до этой самой минуты.

Король по-хозяйски спустил ноги на пол и прошелся по комнате, держа руки в карманах длинного кожаного плаща. Осмотрелся.

– Хорошенькая тюрьма для хорошенькой принцессы-фейри.

– Это не тюрьма, – соврала я. Мы оба прекрасно знали, что именно так оно и было.

Король не стал меня подначивать, только макнул палец в миску с овощным супом, что стояла на прикроватной тумбе. А затем облизнул. Когда его губы сомкнулись вокруг пальца, мне стало тошно – кровь взревела, забурлила в жилах. Он поморщился и изобразил рвотный позыв.

– Звезды в небесах, какая же *мерзость*.

– Мерзость – это твое здесь присутствие, – кашлянув, процедила я. – Будь добр, исчезни.

– Если ты из-за отца все злишься, то, боюсь, извинений тебе принести не могу, – сказал он со смиренным безразличием, которое вселяло скорее страх, чем злость. – Долг есть долг, и я не могу сойти с пути, проложенного для меня судьбой.

Я повернулась к нему и недоуменно заморгала.

– Твой долг – убивать сотни – нет, *тысячи* наших земляков?

– Да – если это необходимо. И людей тоже. – Он постукал пальцем по незажженной лампе, и та вмиг пробудилась к жизни – внутри заплясало пламя. – Я ни для кого не делаю исключений, солнышко.

Я презрительно усмехнулась. Глаза заволокло кровавой пеленой, я стиснула шарф в руке.

– Ты отвратителен.

Невзирая на мой негодующий вид, он сел на кровать и подтянул под себя длинные ноги – древесина заскрипела под нашей тяжестью.

– Тогда давай сюда свою руку, и покончим с этим быстрее.

Я только сцепила пальцы, а он посмотрел на это с возмущительной ухмылкой, склонив голову вбок – золотистые пряди сползли ему на лоб.

– Зачем ты здесь?

Он вскинул брови и уставился на меня так, будто я сама должна была понять, зачем он опять сюда явился.

– Лебедушка, боюсь, я обречен следовать за тобой, куда бы ты ни отправилась. – Слова эти прозвучали резко, взгляд его был льдистым, и я не могла понять, радуется ли сказанное или бесит.

У меня в горле набух комок, страх задавил ярость.

– Мне это не по вкусу.

– Ты так говоришь только потому, что я убил твоего отца и множество других созданий. – Он отмахнулся, подобрал мантию и без спроса взял меня за руку. – Злиться потом будешь. Давай, у меня сегодня еще дела есть.

Потрясенная, я даже не отстранилась. Только раздраженно воззрилась на мантию, лежавшую между нами, будто моей ненависти было достаточно, чтобы спустить с него шкуру. И вдруг заметила, какие разные у нас руки: в его огромной ладони моя казалась просто крошечной.

Вдоль края мантии пунктиром пролегла золотая строчка. Я стиснула зубы, но порыв одолеть не смогла. Знание – сила.

– Можно кое-что спросить?

– Спросить можно, но ответа я тебе не обещаю.

Я вздохнула, а он, не выпуская мою руку, отшвырнул мантию в сторону и на ее место положил большое пальто.

– Увечья, пытки, запугивание...

– Политика навевает на меня скуку... – сказал он. – Если тебе очень надо знать, у меня назначена встреча с дядей

и двумя моими... – Он наморщил нос и задумался. – Пожалуй, проще всего назвать их друзьями.

Не знаю, была ли это попытка пошутить, или он и правда до сей минуты не осознавал, что эти так называемые друзья – действительно его друзья.

– С дядей? – переспросила я, когда он убрал законченное пальто и достал платье. Я мало что знала о том устрашающем генерале, который, вроде как приходился убитому правителю Вордана братом и лучшим другом. Знала только, что он был жесток, безжалостен, прожил не одну сотню лет, но так и не обрел свою половинку.

Король хмыкнул:

– Да уж, Серрин когда-то был по-настоящему гнилым типом, но теперь, боюсь, самый гнилой – это я. – Он вскинул лицо, сверкнул зубами. – Мучительная потребность быть первым – мое проклятье.

До чего гадкими созданиями были его дядя и те существа, которых багровый наглец называл друзьями, я и представить не могла.

– Полагаю, один из них и есть истинный Клык.

– На самом деле зовут его Клементом, – король ухмыльнулся, глядя на платье, – но он, конечно, ненавидит это имя, поэтому мы всегда называли его Клыком.

Я взялась за следующую вещь, а он переплел свои пальцы с моими. Я притворилась, будто не заметила этого мягкого, нерешительного жеста. Он взглянул на меня исподлобья:

– Ты знаешь, как меня зовут?

– Кровавый властитель.

Его длинный прямой нос сморщился.

– Король волков.

Он кивнул:

– Теплее. – Багровый поскреб щетину на подбородке – от этого звука я вся напряглась – и вкрадчиво спросил: – Но как меня называли при рождении, Опал?

– Дейд Волькан, – прошептала я, сама не зная почему, и отвела взгляд.

Повисла тишина. Король кашлянул и достал очередную вещь, все еще держа меня за руку. Он опустил голову, и высокий ворот плаща коснулся его остроконечного уха.

– Мать умерла до того, как успела дать мне имя, но дядя знал, между какими она выбирала.

– Каким было второе? – Меня одолело любопытство.

– Он мне так и не сказал, до сих пор секретничает, – шумно выдохнув, ответил король. – Надменный говнюк.

Расспрашивать его о матери, о том, как та умерла, было бы неуместно – наши руки соприкасались, тепло, исходившее от наших тел, впитывалось в лежавшую между нами ткань и нагревало комнату.

Мы молча обрабатывали одну вещь за другой, и Дейд, похоже, был не против тратить время на столь заурядное дело. Что было удивительно, поскольку он, как я уже знала, умел творить не только мелкие бытовые фокусы.

Когда последний предмет одежды отправился в стопку с готовыми вещами, я не удержалась и спросила:

– Я думала, что кровавые феэри не обладают даром чинить. Что подобное не только ниже вашего достоинства, но и вообще за пределами ваших возможностей.

Король Вордана встал, потянулся и, холодно усмехнувшись, подошел к окну.

– А я ничего и не чинил, лебедушка. Только открыл ворота для твоего дара, и ты все сделала сама.

Дейд растворился в воздухе, прежде чем я успела спросить, что он имеет в виду, а секундой позже рассеялись и языки тьмы, оставшиеся после его исчезновения.

* * *

На следующий день принц заглянул ко мне еще до обеда. Я в тот момент расхаживала по комнате и, остановившись, разгладила фиолетово-белое платье, которое надела, пробудившись от беспокойного сна.

Нелепое, чрезмерно пышное, оно было обильно расшито кружевом – вся его необъятная юбка и лиф, – отчего моя грудь, и без того не маленькая, казалась еще больше. Но несвежее платье, в котором я прибыла сюда, унесли, и оно тоже не особенно меня радовало – разве что напоминало о доме и о том, зачем я здесь.

Меня всю ночь изводили сны о крови и зубах, о шерсти и перьях, но я никак не могла взять в толк, что может значить эта мешанина образов.

– Доброе утро, принцесса. – Брон почтительно поклонился мне, хоть и не обязан был этого делать. – Возможно, ты не захочешь, но я все же спрошу...

– Да, – сказала я и протопала мимо него к двери. Мышцы затекли от напряжения, и ноги покалывало с каждым шагом. Я нуждалась в солнечном свете, в аромате дождя, который принесло с утренним бризом, мне не терпелось выбраться из четырех стен.

– Ла-адно, – протянул принц и, нервно усмехнувшись, поспешил вслед за мной вниз.

Стражники в нелепых шлемах, застывшие, как каменные истуканы у подножия лестницы, воззрились на меня.

– Сюда, – сказал Брон и махнул в сторону смежного холла. Тот был поменьше и, в отличие от остальных здесь, не такой помпезный – меньше богатой отделки, меньше портретов. В холле не было ни души – за исключением стражника, что караулил закрытую на засов деревянную дверь. Брон отпер ее, и мы вышли на вымощенную камнем дорожку.

Отойдя на несколько шагов от караульного, я запрокинула голову и глубоко вдохнула. С выдохом напряжение вытекло из меня, и я отвела взгляд от пухлых белых облаков.

– Ты ведь несколько дней не выходила, – сказал принц, будто пытался подобрать слова, чтобы хоть как-то объяснить

мое странное поведение.

Неудивительно. Ему – человеку, привязанному не к собственной земле, а лишь к тому, чем она его одаривает, – оно должно было казаться странным.

– А чувство такое, словно прошло полвека.

Принц усмехнулся, и мы пошли по дорожке, что стелилась вдоль живой изгороди. Спустившись по широким ступеням, мы оказались в садах, разбитых с тыльной стороны замка. Пышная зелень вперемешку с разноцветьем и плодовыми деревьями занимала пространство не меньше полумили в ширину и доходила до той самой непреодолимой стены.

– Ты... – выдохнул принц, – невероятна, Опал. Те вещи... – Мы остановились возле мраморной скамьи, по обе стороны от которой стояли большие горшки с папоротниками. Брон повернулся ко мне: – Мать выручила за них солидную сумму.

– Сколько? – Я отошла к кусту герани, что рос напротив скамьи, и провела рукой над глянцевитыми соцветиями, отчего их оттенок стал ярче.

Шумно втянув воздух, принц подошел ко мне:

– Я не имею права обсуждать подобные дела. Мне жаль.

– Врешь, – промурлыкала я и лукаво улыбнулась.

Он оторвал взгляд от бутонов, что распускались, когда я прикасалась к ним, и посмотрел мне в глаза.

– Не уверен, что понимаю, о чем ты.

– Тебе не жаль, – просто сказала я, расправила плечи и по-

тянулась.

Когда я повернулась к Брону, его возбужденный взгляд соскользнул с моего лица на грудь, но я все равно улыбнулась ему, хотя этот вун-человечишка не вызывал у меня никакого интереса. В кудахтанье матери, которое я слушала на протяжении двадцати лет нашей совместной жизни, большая часть идей оказалась правдой. Мужчин, особенно людей, было легко перехитрить, если действовать с умом.

– У тебя есть дар чують ложь?

Брачные игрища никогда не вызывали у меня интереса. Воспитанная в тепличных условиях, я когда-то была твердо настроена дождаться всепоглощающей любви, как та, которую посчастливилось обрести моим родителям. Любовь, для которой вечность не была преградой.

Вождедения я тогда еще не знала, но в те дни меня такие вещи и не волновали. Но сейчас все было иначе.

– Не так, как ты себе это представляешь, – сказала я, погладила его по плечу и двинулась глубже в сад. Я шла мимо грядок с помидорными кустами и огуречными плетями, и садовники с лопатами расступались, когда я к ним приближалась.

Под дубом на окраине сада обнаружилась еще одна скамья, на сей раз деревянная; я села и подобрала с газона яблоко-паданку. Брон сел рядом – нерешительно, но явно испытывая любопытство – что еще я скажу или сделаю? А я просто вытерла яблоко о платье, запачкав последнее землей.

– Сколько? – спросила я и откусила, но этот плод, как и многое другое в этом лишенном волшебства королевстве, оказался безвкусным.

Брон придвинулся ближе ко мне и недоуменно свел брови:

– Сколько?

– Сколько времени нужно, чтобы собрать армию? – Когда я произнесла это, что-то внутри меня запротестовало при мысли о том, что мужчина, который является в мои покои и помогает мне вить золото, погибнет на поле боя. Я быстро подавила это чувство. Король волков не заслуживал ничего, кроме уготованных ему тягот и мук. И смерти – столь же жуткой и нелепой, как та, что выпала на долю моего отца. Или еще хуже.

– Я точно не знаю.

Я откусила еще и, мысленно отмахнувшись от образов укоряющей меня матери и Дейда с его поучениями о хороших манерах, спросила с набитым ртом:

– Точно не знаешь? – Я проглотила пережеванное яблоко и улыбнулась – вид у принца был остолбенелый. – Или просто не хочешь мне рассказывать?

– О, я хочу, – поспешно ответил он, а в глазах его сверкнуло желание. – Но я убежден, что тем самым навлеку на себя проблемы.

– А откуда кто-то узнает, что ты о чем-то рассказал? – Я выгнула бровь.

Усмехнувшись, он потянулся ко мне и пальцем стер яб-

лочный сок с моей нижней губы.

– Если ты умеешь хранить тайны...

Я захлопала ресницами:

– Конечно умею. Ты же знаешь, что в этом деле мы весьма искусны.

Он наклонился ближе, окатив меня своим неприятным резким запахом, и опустил томный взгляд на мои губы.

– Мы надеемся, что соберем армию через месяц, но скорее всего это займет чуть дольше.

– Через месяц? – Я чуть не поперхнулась и перешла на шепот: – За это время что угодно может случиться.

– Мы по всей стране собираем людей для подкрепления, принцесса. На то, чтобы обучить новобранцев, тоже нужно время. Это быстрее, чем выжидать, надеясь, что какое-нибудь из ближайших заморских государств соизволит прийти к нам на помощь.

Помощь не придет. Наша земля – это обитель сказок, предрассудков и смерти.

Без золота было не обойтись.

Я перевела взгляд на сад и, уставившись на бархатцы, стиснула зубы. Принц был прав, но при мысли о том, какие ужасы могут за это время выползти из тьмы, у меня внутри все похолодело.

– Опал. – Теплые мягкие пальцы взяли меня за подбородок, повернули мое лицо к Брону. – Мы победим его – это я тебе обещаю, – страстно прошептал Брон и без спроса по-

целовал меня.

10

Его губы оказались не такими мягкими, как я надеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.